

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА: ГЕНЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

© 2025 г. А.А. Решетова

Аннотация: Творчество С.А. Есенина рассмотрено в аспекте художественного освоения им древнерусской литературной традиции, проблема рецепции проанализирована с точки зрения генетического и источниковедческого подходов. Показано ее значение для содержания и поэтики произведений поэта, которые генетически связаны с древнерусской словесностью, определены закономерности преломления в творчестве Есенина элементов поэтики литературы Древней Руси, ее сюжетно-мотивного комплекса, жанровых топов, архетипических сюжетов и образов, изображения духовных явлений. Обнаруживаются разные виды интертекстуальных связей: свободное переложение известных и узнаваемых текстов, аллюзии и реминисценции, явные и скрытые цитаты, заглавия и пересказы, часто с указанием источника, имена литературных персонажей из древнерусских произведений и использование жанрово-стилевых канонов и традиций. Проанализирована художественная манера поэта с точки зрения «коммуникативного диалога» с наследием Древней Руси, который отличает органичное продолжение традиции, переосмысление устоявшихся сюжетов и традиционных образов, а также творческий подход и сохранение авторской индивидуальности, что сопровождается переключками с церковной книжностью и рецепцией фольклорной традиции. Творчество Есенина вписывается в контекст художественно-эстетических и философско-религиозных исканий эпохи, свидетельствует об его укорененности в русской православной культуре.

Ключевые слова: С.А. Есенин, древнерусский текст, рецепция, генетический подход, источниковедческий анализ.

Информация об авторе: Решетова Анна Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и журналистики, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, ул. Свободы, д. 46, 390000 г. Рязань, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4512-5371>

E-mail: a.reshetova@rsu-rzn.ru

Для цитирования: Решетова А.А. Древнерусский текст в творчестве С.А. Есенина: генетический и источниковедческий подходы к проблеме // Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН; Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2025. С. 324–370. — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-324-370>

OLD RUSSIAN TEXT IN THE WORKS BY S. ESENIN:
GENETIC AND SOURCE STUDY APPROACHES TO THE ISSUE

© 2025. Anna A. Reshetova

Abstract: The works by S. Esenin are examined in the aspect of his artistic mastering of the Old Russian literary tradition. The problem of reception is analyzed from the point of view of the genetic and source study approaches. The article shows the significance of Old Russian literature for the content and poetics of the poet's works to which they are genetically linked. The patterns of refraction of elements belonging to the poetics of the Old Russian literature, its plot-motive complex, genre topoi, archetypal plots and images, and the depiction of spiritual phenomena in Esenin's works are defined. Various types of intertextual connections are revealed: free retelling of well-known and recognizable texts, allusions and reminiscences, explicit and implicit quotations, titles and retellings, often with an indication of the source, names of literary characters from Old Russian works and the use of genre and style canons and traditions. The poet's artistic manner is analyzed from the point of view of the "communicative dialogue" with the heritage of Ancient Rus, which is distinguished by an organic continuation of tradition, a rethinking of established plots and traditional images, as well as a creative approach and the preservation of the author's individuality, which is accompanied by similarities to church bookishness and the reception of folklore tradition. Esenin's works fit into the context of artistic and aesthetic, philosophical and religious quests of the epoch indicating their embeddedness into Russian Orthodox culture.

Keywords: S. Esenin, Old Russian text, reception, genetic approach, source analysis.

About the author: Anna A. Reshetova, DSc in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Ryazan State University named after S. Esenin, Svobody St., 46, 390000 Ryazan, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4512-5371>

E-mail: a.reshetova@rsu-rzn.ru

For citation: Reshetova, A.A. "Old Russian Text in the Works by S. Esenin: Genetic and Source Study Approaches to the Issue." *Sergey Esenin in the Context of Russian and World Culture*: Acad. and ex. ed. Natalia I. Shubnikova-Guseva. Moscow, IWL RAS Publ.; Konstantinovo, The State Museum Reserve of S.A. Esenin, Publ., 2025, pp. 324–370 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-324-370>

Исследование текстов с точки зрения рецептивного подхода — далеко не новое направление литературоведческой науки, развивающееся в том числе в рамках современной медиевистики. Изучение разных аспектов исследовательской проблемы «древнерусский текст в постдревнерусской литературе» в равной степени значимо как для описания всего литературного процесса в его закономерностях и поэтической эволюции на протяжении ряда столетий, так и для развития гуманитарной медиевистики.

Открытие и изучение разных форм и способов художественного восприятия и воплощения словесности средневековой Руси в литературном творчестве последующих эпох позволяют обнаружить многие ранее скрытые смыслы литературы в целом и произведений отдельных авторов в частности. Более того, древнерусская культура, обладая семантически мирообъемлющим потенциалом и вечной нравственной основой, предстает в качестве ценностного ориентира и содержательного канона для русской литературной культуры всех последую-

щих поколений. В связи с этим интерес к текстам Древней Руси реализовался в следующих теоретико-методологических подходах к проблеме литературной преемственности, которые современные исследователи определяют в разных дефинициях как источниковедческий и генетический, причем использоваться они могут одновременно¹. Если первый из них предполагает обязательное установление источника сюжета / мотива / образа / поэтического средства — конкретного древнерусского литературного памятника (или даже редакции либо рукописного списка)², то генетический, в свою очередь, позволяет обнаружить глубинные уровни древнерусской литературной традиции, проступающие в осознании и переосмыслении мотивов, образов, сюжетно-композиционной структуры, жанровых особенностей, поэтики в произведениях писателей нового времени при отсутствии указаний на определенный первоисточник³. При этом несомненное

¹ Архангельская А.В. Актуальные проблемы изучения древнерусской литературы на современном этапе. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/384277-1-av-arhangel'skaya-aktualnie-problemi-izucheniya-drevnerusskoy-literaturi-sovremennom-etape-issledovanie-drevnerusskoy.php> (дата обращения: 27.01.2025); Пак Н.И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004. 45 с.; Пак Н.И. Древнерусская культура в художественном мире Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева: монография. М.: Директ-Медиа, 2023. 320 с.; Пауткин А.А. Медиевистическое источниковедение литературы Нового времени в системе многоступенчатого филологического образования // Stephanos: Электронный проект филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2016, № 3. С. 145–153. URL: <https://stephanos.ru/index.php> (дата обращения 25.12.2024).

² В этом направлении изучали древнерусскую рецепцию О.А. Державина, В.Д. Кузьмина, Д.С. Лихачев, Г.Н. Моисеева, Ф.Е. Прийма, Л.Н. Пушкарёв, А.Н. Робинсон и др. См.: Державина О.А. Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). М.: [Б. и.], 1990. 416 с.; Кузьмина В.Д. Задачи изучения связей древнерусской литературы с литературой нового времени // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. С. 95–100; Лихачев Д.С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // ТОДРЛ. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1971. Т. XXVI. С. 3–7; Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли в России XVIII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 261 с.; Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 251 с.; Пушкарёв Л.Н. Литературные обработки повести о Еруслане Лазаревиче в XVIII веке // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М.: Наука, 1967. С. 206–236.

³ Генетический подход присущ работам П.Е. Бухаркина, В.Е. Ветловской, А.М. Грачевой, В.В. Кускова, Е.В. Николаевой, Н.И. Пак, А.А. Пауткина, Н.И. Прокофьева и др. См., напр.: Бухаркин П.Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках. Проблемы культурного диалога. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 168 с.; Грачева А.М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 334 с.; Кусков В.В. Эстетика идеальной жизни. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. 317 с.; Николаева Е.В. Лев Толстой и древнерусская литература (Проблема творческого освоения древнерусского литературного наследия): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980. 232 с.; Пак Н.И. Древнерусская культура в художественном мире Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева; Пауткин А.А. Медиеви-

сходство сочинений разных эпох не предусматривает установления именно текстуральной преемственности, а определение конкретного источника или даже текстов-посредников является необязательным, а порой и проблематичным. «Рецепция древнерусской книжности, если она и имела место, относится к сфере литературного генезиса, и между произведениями в таких случаях связь прослеживается не на уровне поэтики / стиля, а на семантическом / мотивном уровне»⁴.

В настоящее время перспективы данных подходов при изучении открывающихся интертекстуальных связей безграничны, особенно если речь идет о генетическом исследовании, текстурально не маркированном, но именно оно обусловлено творческим подходом писателя к древнерусскому наследию, органичным продолжением им традиций, проникновением в них и новым осмыслением (при условии сохранения своей индивидуальности). Очевидно, что такой подход расширяет авторские возможности от интерпретационного переложения известных и узнаваемых текстов (сюжетов / мотивов / образов) до коммуникативного диалога, в который авторы вступают, обращаясь к созданному ранее наследию, в результате чего рождаются новые разновременные и разножанровые художественные интерпретации текстов. Исследования в данном направлении подпитываются как широтой и разнообразием эмпирического материала, недостаточно проанализированного к настоящему времени, так и развитием религиозного (православного) литературоведения, практикующего изучение религиозного компонента и в словесности Древней Руси, и в литературе золотого и серебряного века, «глубинно связанного с доминантным для отечественной культуры типом христианской духовности» (И.А. Есаулов)⁵.

В этом контексте практически невозможно обойти вниманием ни одного значимого писателя в истории отечественной литературы, в произведениях которого не проявился бы в той или иной степени древнерусский текст. С этих же позиций обращаемся к творчеству С.А. Есенина, акцентируя внимание на наиболее явных точках рецептивного пересечения словесности Древней Руси и его творчества, представляющего русскую литературу порубежной эпохи⁶. Связь с

стическое источниковедение литературы Нового времени в системе многоступенчатого филологического образования.

⁴ Ранчин А. Древнерусская словесность и русская литература Нового времени: к проблеме преемственности // Текст и традиция: альм. 1. СПб.: Росток, 2013. С. 66–83.

⁵ Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. С. 3.

⁶ Начало исследований в этом направлении было обозначено в наших публикациях: Решетова А.А. О рецепции древнерусского текста в русской литературе XX века: теоретико-методологический подход // Слово. Словесность. Словесник. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конф. преподавателей и студентов. Рязань, 2022. Вып. VIII. С. 100–105; Решетова А.А. (автор), Ли Синмэй (перевод) Рецепция древнерусского текста в русской литературе XX века // Филологический вестник Фуданьского

древнерусской словесностью необходимо рассматривать в формате актуального для есениноведения вопроса определения «своего» и «чужого» слова в творчестве поэта: «Существенную проблему в комментировании произведений Есенина представляли многочисленные реминисценции, отзвуки и порой прямые или скрытые цитаты из произведений и статей других авторов, как правило, введенные в авторский текст без кавычек» (Н.И. Шубникова-Гусева)⁷.

В рамках данной статьи цель исследования обусловлена необходимостью систематизировать имеющийся эмпирический материал, который органично поддается двум исследовательским подходам: и генетическому, и источниковедческому. В есениноведении было сделано немало наблюдений, так или иначе подтверждающих художественную интерпретацию древнерусского текста в сочинениях Есенина и устойчивое, хотя и очень разноплановое внимание поэта к литературной и фольклорной культуре прошлого. Предпринятая в рамках данной статьи попытка обозначить межтекстовые связи древнерусских и есенинских произведений позволит не только выявить определенные закономерности древнерусской рецепции в творчестве поэта, но и оценить степень глубины прочтения и художественного освоения средневековых источников автором постдревнерусской литературы XX в., а значит обнаружить и неизбежные лакуны в указанном аспекте темы и перспективы их дальнейшей научной разработки.

В конце XIX — начале XX в. начинается новый этап в изучении древнерусской словесности и вместе с тем — в освоении художественной литературой ее традиций: «<...> преемственность между древнерусской словесностью и литературой Нового времени не задана естественным образом, а воссоздается на определенных этапах литературной эволюции, когда обращение к своей древности становится актуальным»⁸. Авторы обращаются к древней литературе в поисках нравственного возрождения современного человека как к важнейшей константе духовной жизни, как к источнику новых форм художественного повествования, при этом открывается национальный идеал красоты, прежде всего духовной, внутренней красоты христиански милосердной и любящей души.

Изучение особенностей бытования древнерусского текста, его восприятия, поэтического и жанрового воплощения литературной культурой всех последующих столетий стало предметом активного научного интереса ряда отечественных ученых, начиная с 60–70-х гг. прошлого столетия (Д.С. Лихачев

университета. Серия: Литература. Спецвыпуск Русской литературы. Фуданьский университет, 2020. № 1. С. 40–44 (на китайском языке). 安.阿.列舍托娃, 李新梅 (译), 20世纪俄罗斯文学对古罗斯文本的接受//复旦大学语言文学从论/文学.俄罗斯文学专栏, 复旦大学, 2020年春季号, 40–44页.

⁷ Шубникова-Гусева Н.И. Есенин академический. К 125-летию со дня рождения поэта // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 276.

⁸ Ранчин А. Древнерусская словесность и русская литература Нового времени. С. 68.

в своих работах направлял на «пристальное исследование того, как памятники культуры древней Руси конкретно отражались в новой русской культуре»⁹). К этому же времени относятся первые труды, посвященные творчеству Есенина в обозначенном аспекте, в частности статья Н.И. Прокофьева «Есенин и древнерусская литература», в которой предпринята «попытка приподнять завесу над некоторыми сторонами поэтического восприятия С. Есениным литературно-художественного наследия Древней Руси»¹⁰. В дальнейшем и вплоть до настоящего времени было продолжено изучение в той или иной степени частных вопросов заявленной темы работами разных лет В.Г. Базанова, О.Е. Вороновой, Б.Н. Двинянинова, Л.В. Занковской, К.А. Кедрова, Н.В. Михаленко, Е.И. Наумова, О.В. Юдушкиной, П.Ф. Юшина и других есениноведов¹¹.

* * *

Именно *генетический подход* к анализу рецепции древнерусского текста прежде всего помогает определить те этапы развития литературы, на которые приходится наибольшее внимание к литературной культуре Древней Руси. Это, безусловно, русская литература порубежной эпохи XIX–XX вв. и первых десяти-

⁹ Лихачев Д.С. Русская культура нового времени и Древняя Русь // ТОДРЛ. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1971. Т. XXVI. С. 7.

¹⁰ Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература // Сергей Есенин. Проблемы творчества: сб. ст. М.: Современник, 1978. С. 119.

¹¹ Базанов В.Г. Древнерусские ключи к «Ключам Марии» Есенина // Миф — фольклор — литература. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. С. 204–249; Воронова О.Е. Духовный путь Есенина: Религиозно-философские и эстетические искания. Рязань: М-ПРЕСС, 1997. 287 с.; Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. Архетипы. Универсалии. Концепты: учебное пособие. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2013. 356 с.; Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: науч. изд. Рязань: Узорочье, 2002. 520 с.; Двинянинов Б.Н. Поэма С. Есенина «Товарищ» и «Слово о полку Игореве» // С.А. Есенин: Творческая индивидуальность. Художественный мир. Рязань: РГПИ, 1982. С. 18–26; Двинянинов Б.Н. «Слово о полку Игореве» в юношеской лирике С. Есенина // С.А. Есенин: Эволюция творчества. Мастерство. Рязань: Ряз. ГПИ, 1979. С. 67–74; Двинянинов Б.Н. Традиции «Слова о полку Игореве» в поэзии Есенина // Сергей Есенин: Исследования. Мемуары. Выступления: Юбилейный сб. М.: Просвещение, 1967. С. 71–87; Занковская Л.В. Творчество Сергея Есенина в контексте русской литературы 20-х гг. XX в.: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 34 с.; Кедров К.А. Образы древнерусского искусства в поэзии С.А. Есенина // Есенин и современность. Сб. М.: Современник, 1975. С. 165–180; Михаленко Н.В. Небесный Град в творчестве С.А. Есенина: поэтика и философия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 22 с.; Наумов Е. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1965. 280 с.; Юдушкина О.В. Библейские мотивы в поэмах С.А. Есенина 1917–1920 годов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 19 с.; Юдушкина О. «Маленькие поэмы» С.А. Есенина 1917–1920 годов. Символика Священного Писания. [Саарбрюккен]: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 100 с.; Юшин П.Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 480 с.

лений XX столетия, когда особо ценным становится опыт освоения древнерусской культуры разными представителями русского модернизма (символистами, футуристами, имажинистами, новокрестьянскими поэтами) на фоне обретения одной из главных и актуальных тем эпохи — темы русских исканий и формирования на этой почве православной идеи¹². Неслучайно исследователи уточняют: «Ведь степень внимания авторов разных времен к средневековым текстам, глубина их понимания — величина непостоянная, зависящая от множества факторов»¹³. При этом «религиозное, идейное и художественное возбуждение эпохи связаны еще с одним важным фактором времени — обращением к национальным истокам как фольклорным, так и древнерусским»¹⁴.

Актуализации традиций литературы средневековой Руси в творческом сознании писателей того времени способствовали идейно-философские и художественно-эстетические поиски эпохи, в них стремились обрести ответы на сложные вопросы современности и прочитать пророчества о настоящем и грядущем¹⁵. Открытие Библии, а посредством нее и идей древнерусского текста приводило их к желанию обрести в жизни прочные основы бытия, осознать собственную укорененность в русской культуре, в ее христианских основах. Библейская образность для древнерусской словесности является своего рода мировоззренческим и литературным «кодом». Помимо этого, древнерусские традиции здесь могут сочетаться не только со спецификой православной культуры, но и с древнеславянским-фольклорным подтекстом. Выявляющий их генетический подход в исследовании рецепции древнерусского текста в литературе XX в. помогает осознать сложность и многоплановость этого явления.

Таким же образом прочитывается и творчество Есенина, которое в работах современных ученых исследуется в контексте русской религиозности, точнее «народного православия», совмещающего «христианско-языческое двоеверие и крестьянскую обрядовую культуру», «софийно-пантеистические мотивы» и «традиции соборности и эпического православия»¹⁶. Лежащая в его основе художественная модель мира рассматривается в религиозно-философской эволюции

¹² Мосиенко М.В. Традиции древнерусской агиографии в русской литературе модерна начала XX в. (Л. Андреев, В. Брюсов, Д. Мережковский): дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1991. 162 с.

¹³ Пауткин А.А. Медиевистическое источниковедение литературы Нового времени в системе многоступенчатого филологического образования. С. 146.

¹⁴ Пак Н.И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева: автореферат. С. 6.

¹⁵ Сурай Л.А. Наследие древнерусской культуры и творчество символистов // Культурное наследие Древней Руси: Материалы научной конференции, посв. памяти проф. В.В. Кускова (9 ноября 2000 г.). М.: [Б. и.], 2001. С. 160.

¹⁶ См. работы современных исследователей: О.Е. Вороновой, А.Н. Захарова, И.А. Есаулова, Л.А. Киселевой, В.В. Лепахина, А.М. Марченко, Э.Б. Мекша, А.И. Михайлова, Н.В. Михаленко, М. Павловски, С.Г. Семеновы, Н.И. Шубниковой-Гусевой, О.В. Юдушкиной и др.

и понимается в свете мифологических и фольклорных составляющих, православной храмовой культуры и архетипов национального сознания (О.Е. Воронова)¹⁷, а также понимается «как синтетическая, полифонически и диалогически сложная система, где особое место занимают христианские, православные темы, мотивы, образы, чутко воспринятые и воплощенные в поэзии категории иконописи, символика литургии» (Н.В. Михаленко)¹⁸. Органичен в связи с этим древнерусский текст, воплощающий православную и народнопоэтическую традиции, прочитываемый в разных его рецептивных проявлениях в целом комплексе произведений Есенина как поэтических, так и прозаических, как эпистолярных, так и литературно-критических.

Поэт не раз признавался, что его стихи есть воплощение «русского духа и глаза» — «он живет во мне органически так же, как мои страсти и чувства» (Предисловие [к неизданному собранию стихотворений и поэм]¹⁹). Воплотился он в творчестве Есенина, в том числе благодаря впитанной с ранних лет духовной православной культуре, несмотря на всю противоречивость ее восприятия (известны слова поэта из последней автобиографии, итожащие «религиозный» вопрос: «От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции», с продолжением в черновике: «<...> до революции, в революцию и после революции в момент новых форм быта» (О себе)²⁰). Неслучайно в есениноведении последних лет сложилась устойчивая исследовательская традиция, объединяющая труды, посвященные православной основе творчества поэта, О.Е. Вороновой, И.А. Есаулова, Л.А. Киселевой, В.В. Лепахина, К. Михайлова, Н.В. Михаленко, М.А. Соловьевой, О.В. Юдушкиной²¹ и др. Общеизвестно, что самые ранние источники «русского духа и глаза»,

¹⁷ Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. С. 500–501.

¹⁸ Михаленко Н.В. Небесный Град в творчестве С.А. Есенина: поэтика и философия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 3.

¹⁹ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос. 1997. Т. 5 / сост. и коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Е.А. Самодолова, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. С. 223–224. Далее указанный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

²⁰ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 1 / сост., подгот. текстов и коммент. А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 20. Далее указанная книга цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

²¹ Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура; Есаулов И.А. Творчество Есенина и православная традиция: проблемы методологии // С.А. Есенин и православие. М.: К единству!, 2010. С. 215–226; Киселёва Л.А. «Икона» и «орнамент» в лирике Сергея Есенина 1914–1917 годов // С.А. Есенин и православие. М.: К единству!, 2010. С. 227–242; Лепахин В.В. Иконичность двуединого мира в лирике Сергея Есенина // С.А. Есенин и православие. М.: К единству!, 2010. С. 180–205; Михайлов К. Есенинская молитва // Сергей Есенин и искусство /

о которых Есенин постоянно помнил и к которым обращался, — уклад жизни и ближайшее окружение (моя религиозность «есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности» (Предисловие [к неизданному собранию стихотворений и поэм] [V, 222])).

Современные есениноведы (О.Е. Воронова, Л.А. Киселёва, С.Н. Пяткин, Е.А. Самоделова, Н.И. Шубникова-Гусева и др.), обращаясь к разным типам биографического дискурса поэта, отмечают, что Есенин был автором не только своих литературных произведений, но и собственного «жизнетекста», ««мифологизированной» биографии, или, иначе говоря, автобиографического мифа поэта, в котором реальные факты причудливо переплетаются с их вольной интерпретацией в духе авторской легенды об особом пророческом призвании и пути крестьянского поэта к постижению сокровенных глубин национального духа»²². В вариантах автобиографии разных лет и в предисловии к готовившемуся в 1924 г. и так и неизданному собранию стихотворений и поэм Есенин писал о «сильном влиянии» в детстве родителей матери, Федора Андреевича и Натальи Евтихиевны Титовых: деда-молитвенника, «старообрядческого начетчика» и «умственного мужика», учившего внука грамоте по Библии²³, бабки, которая его «таскала по всем российским монастырям» (Предисловие [к неизданному собранию стихотворений и поэм] [V, 222]) и с которой он паломничал по близлежащим обителям вместе со странниками, находившими приют в их доме, что дополнялось общением с о. Иоанном (И.Я. Смирновым), священником села Константиново, и учебой в четырехгодичном земском народном училище с «крепким знанием церковнославянского языка» (Автобиография (1924) [VII (1), 15]),

сб. трудов по материалам Международной научной конференции, посв. 118-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред. Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин. М.; Константиново; Рязань: ИМЛИ РАН, 2014. С. 190–206. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 2); Михаленко Н.В. Небесный Град в творчестве С.А. Есенина: поэтика и философия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 22 с.; Соловьева М.А. Поэма С.А. Есенина «Сельский часослов»: текст и прототекст // Сергей Есенин и русская история / сб. трудов по материалам Международной научной конференции, посв. 117-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина и Году российской истории / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред. Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин. М.; Константиново; Рязань: [ИМЛИ РАН], 2013. С. 293–309 (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. I); Юдушкина О.В. Библейские мотивы в поэмах С.А. Есенина 1917–1920 годов.

²² Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. С. 99.

²³ Согласно современным исследованиям, поэт в автобиографических записях создал миф о деде-старообрядце, который более соответствовал представлениям Есенина о себе как о поэте с корнями в исконно народной, древне-раскольничьей среде, нежели реальности — см. подробнее, напр., Козловский А. Быль и легенды жизни Есенина // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. I. С. 9–11; Козловский А. Комментарии // Там же. Т. I. С. 508–509.

с «религиозными сомнениями» и переходом к «полосе молитвенной»²⁴. Позже к этим рязанским источникам «старой патриархальной церковной культуры» добавились литературная среда с 1913 по 1915 г., которая, по словам поэта, «была настроена приблизительно так же, как мой дед и бабка» (Предисловие [к неизданному собранию стихотворений и поэм] [V, 222–223], близость к Н.А. Клюеву (наследнику раскольниковской семьи и знатоку древней русской культуры, которую «по монастырским подвалам надо выискивать, по раскольниковским скитам»²⁵), стремление к «большой интеллектуальной культуре», поиски «приобщающих к ней людей (тяга к Андрею Белому, Иванову-Разумнику, чтение, правда, очень беспорядочное, поиски теоретических основ, авторство некоторых рецензий и пр.)»²⁶. Духовные и философские искания 1917–1919 гг., отмеченные тем, что «<...> он уже по свободному почину, крупными шагами шел навстречу большой интеллектуальной культуре»²⁷, приводили в том числе к тому, что, по свидетельству близких Есенину поэтов-современников, «его любимыми книгами в это время были Библия, в растрепанном, замученном виде лежавшая на столе, и “Слово о полку Игореве”». Он *по-новому* [курсив наш. — Р. А.] открыл их для себя, носил их в сердце и постоянно возвращался к ним в разговорах, восторженно цитируя отдельные куски, проникновенно повторяя: “О, русская земля, ты уже за горою!”»²⁸. Без сомнения, литературная культура Древней Руси была той составляющей частью, которая формировала мировоззрение поэта, восприятие им прошлого и настоящего, ценностных ориентиров, складывавшихся не без влияния православной этики и эстетики. Как многие из писателей и предшествующей эпохи, и последующего времени, Есенин осваивал традиции древнерусской словесности через постижение Библии, «книги детства человечества».

Судя по мемуарно-автобиографическим источникам разных лет, круг семейного и в дальнейшем личного чтения Есенина был весьма широк. «Книга не была у нас совершенно исключительным и редким явлением, как во многих других избах. Насколько я себя помню, помню и толстые книги в кожаных переплетах»²⁹, — писал поэт о семье деда; про него же не раз вспоминал, что тот читал и рассказывал внуку «Библию и священную историю» (Автобиография (1924) [VII (1), 14]). Соученики и близкие товарищи поэта в детские и отроческие годы описывали любовь Есенина к книгам: «С большим интересом он занимался гу-

²⁴ Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 442.

²⁵ Вольпин Н.Д. Свидание с другом. М: ФТМ, 2021. Ч. 1. С. 30–31.

²⁶ Чернявский В.С. Три эпохи встреч (1915–1925) // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 221.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 220–221.

²⁹ Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине. С. 441.

манитарными предметами, особенно литературой <...> Школьная библиотека не могла удовлетворить запросы Есенина, который очень много читал»³⁰.

Причем очень важно, что с ранних пор книжное слово сопрягалось у него с фольклорным текстом: сказки — «все те сказки, которые слушают и знают все крестьянские дети», от бабки и «няньки, старухи-приживальщицы», «песни старые, такие тягучие, заунывные» (Автобиография (1924) [VII (1), 14]), которые пел дед, духовные стихи от деда же, который знал их «множество» «и хорошо разбирался в них», от бабки, которая «была очень набожна»³¹, и от «странствующих по селам» слепцов, нищих и калек, которых она привечала в своем доме и которые «пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о Женихе, светлом госте из града неведомого»³². «Устное слово всегда играло в моей жизни гораздо большую роль <...> А в детстве я рос, дыша атмосферой народной поэзии»³³, — заявлял Есенин и воплощал этот дух в своих произведениях. Это, однако, не отменяло того, что той же «народной поэзией» проникнуто слово древнерусской книжности, которая в восприятии его сливалась воедино с народно-поэтическими текстами, воспринимались они как гармоничное целое духовной культуры прошлого. Кроме того, сюжеты знакомых поэту народных сочинений были максимально связаны с древнерусскими произведениями, как, например, близкие поэту духовные стихи, нередко имевшие книжную основу и распространявшиеся как в устной, так и в письменной форме, — с литературными апокрифами³⁴: «Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит <...>» (письмо А.В. Ширяевцу 1917 г.³⁵).

³⁰ Аникина О.Л., Бердянова Н.Н. Воспоминания В.В. Знышева, Я.А. Трепалина, К.С. Марушкина // Сергей Есенин и русская школа. Кн. материалов Международной научно-практической конференции. Светлой памяти Юрия Львовича Прокушева / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; отв. ред. О.Е. Воронова, Ю.Б. Юшкин. Рязань: Пресса, 2003. С. 210.

³¹ Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине. С. 442.

³² Есенин С.А. Автобиография (1924); О себе (1925) [VII (1), 14, 20]; Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине. С. 442.

³³ Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине. С. 442.

³⁴ Солнцева Н.М. Традиции духовных стихов в ранней лирике С.А. Есенина // Сергей Есенин и русская история / сб. трудов по материалам Международной научной конференции, посв. 117-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина и Году российской истории / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред. Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин. М.; Константиново; Рязань: [ИМЛИ РАН], 2013. С. 244–261. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 1)

³⁵ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос. 1999. Т. 6 / сост. и общ. ред. — С.И. Субботин; подгот. текстов и текстол. коммент.: Е.А. Самоделова, С.И. Субботин; реальный коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кощечкин, С.С. Кунаев, Г. Маквей, Ю.А. Паркаев, Ю.Л. Прокушев, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов. С. 95. Далее указан-

Не были в этом плане исключением и годы учебы в Константиновском четырехгодичном земском народном училище, в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе и на историко-философском цикле академического отделения Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Обучение в земском народном училище и учительской школе включало в себя изучение Закона Божьего и церковной истории (в учительской школе дополненные церковным пением, исполнением православного богослужения), обеспечивающих нравственное воспитание христианина³⁶, а также истории светской и чтения, русского и церковнославянского языка. Все дисциплины в комплексе способствовали знакомству с церковно-поучительными и агиографическими сочинениями, молитвословными и гимнографическими текстами, ветхозаветными и новозаветными историями, сюжетами, связанными с библейскими персонажами и главными церковными праздниками, а также летописными (большей частью посредством «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина) и переводными, типа «христианской топографии», предназначенными для познания истории светской и естественно-научного освоения мира. Обращение к сочинениям, составлявшим духовную и содержательную основу древнерусской словесности, дополнялось личными контактами с преподавателями: особенно с учителем Закона Божьего в земской школе о. Иоанном и учителем русского языка и литературы Е.М. Хитровым в учительской школе, который не ограничивался литературой в рамках школьной программы (фольклорными и классическими произведениями XVIII и XIX вв.)³⁷, а также особой любовью Есенина к чтению («И, как прежде, архангельский лик / Веет былью зачитанных книг»³⁸). «Особенно усердно занимается литературой. Занятия его были шире положенной программы. Он много читал», — писали о будущем поэте учителя³⁹.

В университете Шанявского Есенин посещал «исключительно лекции по литературе», которые «читали наиболее видные профессора того времени»⁴⁰ в

ный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

³⁶ Скорыходов М.В. Библейские сюжеты и образы у Есенина: от учебных курсов к поэтическому осмыслению // Современное есениноведение. 2014. № 31. С. 18–27.

³⁷ Скорыходов М.В. Спас-Клепиковская второклассная учительская школа // Есенинская энциклопедия Методические рекомендации для авторов. Материалы для обсуждения. М.: Лазурь, 2015. С. 170–181.

³⁸ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1 / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского. С. 301. Далее указанный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

³⁹ Хитров Е.М. В Спас-Клепиковской школе // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 142.

⁴⁰ Сардановский Н.А. «На заре туманной юности» // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 133.

соответствии с правилами организации учебы в университете, позволявшими студентам составлять для себя учебные планы из преподаваемых наук, выбирая предметы из одной или разных групп⁴¹. Не может не обратить на себя внимание тот факт, что в годы обучения преподавалась близкая по духу поэту дисциплина «Древне-русская литература в связи с устно-народною»⁴², а университетским профессором истории древней и новой русской литературы был филолог и фольклорист М.Н. Сперанский, известный специалист в области литературных связей славянских народов эпохи Средневековья и византийских традиций, взаимоотношений литературы и устного народного творчества. Допустимо его академическое влияние на поэта, а именно: программа читаемого курса лекций включала в себя ключевые моменты преподавания древнерусской словесности (история изучения древнерусской и устной литературы, эпоха дохристианской и христианской культуры Киевской Руси, проблема оригинальных и переводных памятников, летописная традиция и «Слово о полку Игореве», устная и книжная литература Московской Руси и т. д.⁴³). К 1913–1914 гг. Сперанский был известен не только изданными курсами лекций по словесности Древней Руси⁴⁴, но и трудами по средневековой апокрифической литературе⁴⁵. Особо выделяются те идеи ученого, которые могли привлечь поэта, учитывая особенности его поэтических текстов и специфику отреченных книг: обогащение канонической книжной традиции за счет апокрифов, их эмоционально-выразительный потенциал и функциональные возможности, укорененность в письменности и иконографии традиционных апокрифических сюжетов.

Неслучайно последующее его творчество покажет знание целого комплекса произведений Древней Руси, например, «Жития Сергия Радонежского» и

⁴¹ Приложение. Москва. 1912–1915 // Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. (7 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев; общ. ред. и вступ. слово Ю.Л. Прокушева; сост.: М.В. Скороходов, С.И. Субботин; сост. разделов: Е.А. Самоделова, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Л.М. Шалагинова, Ю.Б. Юшкин, при участии О.Л. Аникиной, Л.А. Архиповой, Н.Н. Бердяновой, В.А. Дроздова, Н.Г. Юсова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 1. С. 586.

⁴² Там же. С. 592.

⁴³ Там же. С. 594.

⁴⁴ *Сперанский М.Н. Древняя русская литература: Московский период: Лекции, чит. в 1912/13 г. в Моск. ун-те: По запискам слушателей, ред. профессором. [М.: Б.и.], 1913. 422 с.; Сперанский М.Н. История древней русской литературы: пособие к лекциям в Ун-те и на Высш. жен. курсах в Москве. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. X, 599 с.*

⁴⁵ В 1895 г. Сперанский защитил магистерскую диссертацию «Славянские апокрифические евангелия», в 1899 г. — докторскую диссертацию «Из истории отречённых книг». Издания Сперанского: *Сперанский М.Н. Апокрифические деяния апостола Андрея в славяно-русских списках: Опыт критики текста. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1893 (обл. 1894). 44 с.; Сперанский М.Н. Славянские апокрифические евангелия: Общий обзор. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895. VI. 137 с.*

«Киево-Печерского патерика», поучений Иоанна Дамаскина и сборника учительных сочинений отцов церкви «Златая цепь», «Христианской топографии Козьмы Индикоплова» и «Хождения Богородицы по мукам», «Слова о полку Игореве» и «Моления Даниила Заточника», «Повести о разорении Рязани Батыем» и др.

Некоторые из них производили на Есенина «необычайное впечатление», как, например, любимое им «Слово о полку Игореве»: «Я познакомился с ним очень рано и был совершенно ошеломлен им, ходил как помешанный. Какая образность! Какой язык!»⁴⁶, — и в дальнейшем поэт не раз обращался к нему, открывая его каждый раз «по-новому». Значимым является включение «Слова» в ряд лучших произведений мировой культуры: «Илиады», «Эдды», «Калевалы», «Вед», «Библии», — выстроенный в трактате «Ключи Марии» (1918), основной теоретической работе поэта о смысле творчества и ценности словесного искусства. Пытаясь осознать свои литературные искания и сформулировать самобытную концепцию образного слова, Есенин указывает на тексты, создатель каждого из которых обретает и создает образ, соединяющий его с «незримым миром»: «Воздухом его дышит наш русский “Стих о Голубиной книге”, “Златая цепь”, “Слово о Данииле Заточнике” и множество других произведений, которые выпукло светят на протяжении долгого ряда веков» (Ключи Марии [V, 206]). Для Есенина все исторические эпохи, которые переживает художественный образ, переплетаются между собой, согласуясь с общими законами и закономерностями развития искусства. Для поэта познание прошлого и понимание его красоты не менее важно, чем знание современности, что для Есенина определило и специфику древнерусской рецепции в его творчестве, и концептуальное обращение к древности в его произведениях.

Еще одним косвенным указанием на знакомство Есенина с древнерусскими произведениями могут быть книги из его личной библиотеки, сохранившиеся в государственных учреждениях и частных собраниях. Так, известно, что у него был сборник «Древнерусские повести и романы» (1895)⁴⁷, от которого сохранилась только вклейка с есенинской надписью, датирующей владение маем 1917 г.⁴⁸. Если учитывать содержание данного сборника и предполагаемое

⁴⁶ Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине. С. 441.

⁴⁷ Древнерусские повести и романы. СПб.: Изд. И. Глазунова, 1895. (Русская классная б-ка, издаваемая под ред. А.Н. Чудинова. Пособие при изучении русской литературы. Вып. XIX)

⁴⁸ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 2000. Т. 7. Кн. 2 / общ. ред. С.И. Субботина; сост., подгот. текстов и коммент.: В.А. Дроздков, А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С. С. Куняев, Ю. А. Паркаев, Т.К. Савченко, Е.А. Самоделова, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Л.М. Шалагинова, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов, Ю.Б. Юшкин. С. 168. Далее указанная книга цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

знакомство поэта с ним, то можно предположить, что Есенину были известны переводные и оригинальные повести разных столетий: «Девгениево деяние» (XI–XII вв.), «Повесть о Соломоне и Китоврасе (XV в.), «Повесть о Басарге и о сыне его Борзосмысле» (XV — начало XVI в.), цикл средневековых рыцарских романов о Троянской войне «Троянские сказания» (XVI–XVII вв.), «Повесть о Ерше Ершовиче» (конец XVI — начало XVII в.), «Повесть о Бове-королевиче» (XVII в.), «Повесть о Горе-Злосчасти» (XVII в.).

Более того, поэт называл литературу Древней Руси великой, которая «перевесит всю прочую мировую словесность»⁴⁹, о ней, по воспоминаниям современников, он «говорил уже взхлеб, все больше разгораясь», воспринимал таковой на протяжении всей своей жизни, начиная с первого знакомства в детстве и отрочестве и до 1921 г., когда заявлял, что глубину и необъятность древнерусской словесности — культуры для избранных — можно изучать и познавать всю свою земную жизнь: «Ее по монастырским подвалам надо выискивать, по раскольниковым скитам. И есть у нее свои ученые знатоки, свои следопыты. Ей всю жизнь отдай, — как надо, не узнаешь»⁵⁰.

Тем не менее исследователями отмечалось и противоречивое отношение поэта к отдельным жанрам древнерусской словесности — «многое и не принимал из литературного наследия прошлого», например из русского летописания («имеются основания утверждать, что летописи пугали его своей омертвелой книжностью») и агиографии («как на отжившие явления смотрел С. Есенин на житийную литературу <...> Он выступил с осуждением *всего радонежского*»⁵¹). Отметим, однако, что критическая оценка летописей, с фрагментами которых он был несомненно знаком, и житийных текстов, известных ему с ранних лет⁵², относится к периоду мировоззренческого и творческого расхождения с Клюевым, «для которого Китеж и Радонеж были неоспоримыми национальными духовными святынями» (комментарий С.И. Субботина⁵³), и открывается в комментариях к утверждению Есенина о том, что «Клюев совсем стал плохой

⁴⁹ Вольпин Н.Д. Свидание с другом. С. 30.

⁵⁰ Там же. С. 30–31.

⁵¹ Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература. С. 132.

⁵² Не исключено, что и с фрагментами «Повести временных лет», с «Житием Феодосия Печерского» и «Житием Сергия Радонежского» поэт мог быть знаком по хрестоматийному изданию древнерусских произведений Ф.И. Буслаева, параллели с которым открываются в процессе анализа и других текстов Древней Руси (Буслаев Ф.И. Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, со словарем и указателем. М.: Тип. Грачева и Ко, 1870. 428 с.).

⁵³ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 2 / подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина. С. 344. Далее указанный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

поэт», в том числе потому, что «Клюев поет Россию по книжным летописям и ложной ее зарисовки всех приходимце» (письмо Иванову-Разумнику 1921 г. [VI, 122–123]).

Периодически звучащие, начиная с 1917 г., упреки Клюеву и резкое несогласие с высокими оценками его творчества Р.В. Ивановым-Разумником и А. Белым вылились в противопоставление «жизни, настоящей жизни нашей Руси», которая, по утверждению Есенина, «куда лучше застывшего рисунка старообрядчества», «стилизационной <...> Руси с ее несуществующим Китежем и глупыми старухами» (письмо А.В. Ширяевцу 1920 г. [VI, 113]). Эти оценочные суждения как в стихах («Проклинаю я дыхание Китежа»), так и в эпистолярной форме («Я никогда не любил Китежа и не боялся его») звучат, скорее, как полемика с Клюевым и Ширяевцем в период недовольства их творческими исканиями в том, «чем Русь издревле дышит», их «оптинской дурью», благоговейными стихами о «золотой» Руси, «стране-сказке», невидимом «Китеж-граде», схоронившемся до поры и ждущем своего пробуждения. В то время это мировосприятие было не близко Есенину: «и черт с ним, с Серафимом Саровским, с которым он так носится, если, кроме себя и камня в колодце небес, он ничего не отражает» (письмо Иванову-Разумнику 1917 г. [VI, 100]) в ответ на клюевские строки из «Красной песни»: «Китеж-град, ладан Саровских сосен — Вот наш рай вожденный, родной» (комментарий С.И. Субботина [VI, 444])⁵⁴. В данном случае как летописные, так и житийные традиции, большей частью в стилистике текстов, воспринимались поэтом «по-клюевски старό!» (письмо Р.В. Иванову-Разумнику 1922 г. [VI, 131]), и в этом контексте их нужно прочитывать.

Несомненно одно, древнерусское наследие в разных его формах привлекало Есенина на протяжении всей его творческой жизни. Благодаря ему поэт с детства впитывал традиционную культуру прошлого: фольклор и древнерусское искусство, так как находился в атмосфере традиционно сложившегося уклада, обрядовой и бытовой обстановки народной жизни. Так формировалось в нем представление о том, что древнерусская культура — это составляющая того мира-утопии, крестьянского «избяного рая», который должен быть творчески воссоздан: «Он по праву ощущал себя певцом этой неведомой, но такой желанной сердцу каждого крестьянина страны»⁵⁵.

Это восприятие себя как писателя органично связано в творчестве Есенина с художественно-исторической концепцией, которая, будучи неотъемлемой со-

⁵⁴ Отметим также, ссылаясь на комментарии к эпистолярным текстам в «Полном собрании сочинении», «ведь именно Серафим Саровский был духовным отцом оптинского старчества» (Киселёва Л.А. Николай Клюев: воспоминания современников. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 190). См. также: [V, 206–207, 487].

⁵⁵ Козловский А.А. Быль и легенды жизни Есенина. С. 10; Козловский А.А. Комментарии. С. 508.

ставляющей его наследия и восприятия природы искусства, представляет *прошлой и настоящей* «не в исторической параллели, а в сложных переплетениях и взаимосвязях», «в неразрывной связи литературы и искусства с народной поэзией, с фольклором, связи, в которой смешано язычество и древние христианские представления»⁵⁶.

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел... [I, 157]

Согласно трактату «Ключи Марии» и ряду других теоретических работ («Быт и искусство», «Отчее слово» и др.), для поэта идея гармоничного единения прошлого и настоящего была актуальна не только в отношении искусства, художественного слова и образа, но и для восприятия истории и современности, жизни нации, бытийственной и ментальной. Категория «древнего мира» (славянско-мифологического, библейского и древнерусского) напрямую связана в представлении поэта с духовным обликом русского народа, как в его историческом прошлом, так и в его современном бытии:

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копытами со всех сторон
Нас окружают печенег? <...>
Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.

(Ленин: Отрывок из поэмы «Гуляй-поле» [II, 143, 144])

Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?

(Сорокоуст [II, 83])

⁵⁶ Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература. С. 119, 120.

Как и в древнерусских текстах, в произведениях Есенина предстает мировая история, порой великая и трагичная, порой как повторение Священной истории, откликающееся памятью о тех или иных святых и праведниках или событиях, с ними связанных. Лирический герой Есенина, по сути, живет в окружении событий истории прошлого и настоящего, стремится к максимальной смысловой полноте земного человеческого бытия, в том числе благодаря русской культуре. Эта живая преемственность с древнерусской словесностью просматривается до нашего времени и на уровне всего русского мировоззренческого стиля и общего «движения мировой культуры к постепенному расширению понимания культур прошлого»⁵⁷. Точно перекликается есенинская концепция с рассуждениями филолога-медиевиста XX в. Д.С. Лихачева: «Современность — это не только настоящее, но и великое прошлое, нами воспринятое <...>. Вся история развития человеческой культуры есть история не только постепенного созидания новых, но и обнаружение старых культурных ценностей»⁵⁸.

Древнерусская литературная традиция вкупе с библейским подтекстом и фольклорной образностью проступает в поэзии, прозе, теоретических работах Есенина на разных уровнях. Прежде всего, обращают на себя внимание библейские по происхождению мотивы и образы древнерусской литературы, обладающие символичностью и выступающие в стихах поэта в качестве реминисценции. Так прочитываются богородичные мотивы, в первую очередь, связанные с аллюзией, скорее всего, на знакомый Есенину и особо любимый русским народом переводной апокриф «Хождение Богородицы по мукам». Для русского православия характерно широкое почитание Богородицы, в связи с чем ее образ стал одним из устойчивых топосов переводных и оригинальных древнерусских произведений: агиографических (в житиях, чаще преподобных, в патериковых и проложных сюжетах), ораторских и гимнографических (в поучениях и словах святых отцов, в проповедях древнерусских ораторов, посвященных Страстям Христовым и Пасхе), апокрифических и летописных, воинских повестях и богородичных сказаниях о явлениях и чудесах от икон Божией Матери⁵⁹. В связи с чем сложились традиционные образы Богородицы, прочитываемые, в том числе, в есенинской поэзии: как *Богородицы-Царицы* и *Владычицы*, всепрощающей Матери и «прибежища грешников» («О, я верю — знать, за муки / Над пропащим

⁵⁷ Лихачев Д.С. Земля родная: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1983. С. 201.

⁵⁸ Там же. С. 200.

⁵⁹ Богатырева Т.А. Отражение культа Богородицы в древнерусской литературе: жанрово-стилевой аспект: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 231 с.; Шумилов С.М. Образ Богородицы в древнерусской литературе (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 116–119.

мужиком / Кто-то ласковые руки / Проливает молоком» («Гляну в поле, гляну в небо...» [I, 112])), как *страдающей Матери*, сострадательной представительницы за людей перед Сыном Божиим, который по ее молитвам совершает милости («Говорила Божья Мать сыну / Советы: / “Ты не плачь, мой лебеденочек, / Не сетуй. // На земле все люди человеки, / Чада. / Хотя одну им малую забаву / Надо <...>”» («То не тучи бродят за овином...» [I, 114])), и как благословенной *покровительницы Руси*, спасающей народ и русскую землю, в том числе во времена решающих битв:

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.

Воззри же на нивы,
На сжатый овес, —
Под снежную ивой

Упал твой Христос! (Пришествие [II, 47])

«Богородичный» цикл есенинских стихотворений связан с образом Божьей Матери, ее заступничеством за свой народ: «Чую радуницу Божью...», «Не ветры осыпают пуши...», «Гляну в поле, гляну в небо...», «То не тучи бродят за овином...» и др. Так, в поэме «Октоих» в обращении поэта к Богородице звучит надежда на ее защиту и покровительство всем верующим («На нивы златые / Пролей волоса» [II, 42]), в «Иорданской голубице» появляется художественно цельный образ Пречистой Девы и звучит мотив ее мольбы о грешниках, спасающей их от вечных мук:

И полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати Пречистая Дева
Розгой стегает осла. [II, 59]

С библейскими мотивами связан в творчестве Есенина символический образ смиренного странника, который предстает в инвариантах «русского Христа»: *Христа-отрока* и *Христа-странника*⁶⁰, далеких от канонического облика и более близкого апокрифическому, легендарному образу, воплощающему народный православный идеал человека, красоту которого видели в смирении и терпении безропотно несущего свой крест («Шел Господь пытаться людей в любви, / Выходил он нищим на кулижку» («Шел Господь пытаться людей в любви...» [I, 42]); «И в каждом страннике убогом / Я визнавать пойду с тоской, / Не Помазуемый ли Богом / Стучит берестяной клюкой» («Не ветры осыпают пуши...» [I, 44]); или легендарного святого Николы, Чудотворца Мирликийского — странника и «ласкового угодника» Миколы (в поэме «Микола» близкого не столько книжным текстам, сколько духовным стихам: «О мой верный раб, Микола, / Обойди ты русский край. // Защити там в черных бедах / Скорбью вытерзанный люд. / Помолись с ним о победах / И за нищий их уют» [II, 14]); или апостола Андрея, подобного идентичному летописному образу из «Повести временных лет» («Вижу вас, зланные нивы, / С стадом буланных коней. / С дудкой пастушеской в ивах / Бродит апостол Андрей» (Иорданская голубица [II, 59])); или странствующего отрока с узнаваемыми чертами самого поэта, создающего свой жизненный миф («Колокольчик среброзвонный, / Ты поешь? Иль сердцу снится? / Свет от розовой иконы / На златых моих ресницах. // Пусть не я тот нежный отрок / В голубином крыльев плеске, / Сон мой радостен и кроток / О нездешнем перелесе» («Колокольчик среброзвонный...» [I, 82]); «Пойду в скуфейке, светлый инок, / Степной тропой к монастырям; / Сухой кошель из хворостинок / Повешу за плечи к кудрям» (Инок [I, 300])).

Народные предания и апокрифические легенды о странствии Христа в образе отрока или нищего в интерпретациях Есенина визуально оказались близки картинам М.В. Нестерова, например, вариантам «Путника» с фигурой Иисуса, бредущего по российским дорогам, — полотна, вошедшего в поздний философско-религиозный цикл художника. Поэта и живописца связывало личное знакомство и духовное родство: оба они обращались к миру русских религиозных образов в поисках зримого воплощения облика «русского Христа».

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

⁶⁰ См. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. С. 155–196.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»
(«Сохнет ставшая глина...» [I, 55])

«Христос для меня совершенство, — писал поэт близкому другу Г.А. Панфилову. — Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему» (письмо Г.А. Панфилову 1912 г. [VI, 25]). «Контуры Христова лика» (К.В. Мочульский) очерчивают созданный Есениным мир Руси, ее иконический облик, «модель русского космоса» (О.Е. Воронова).

Все эти образы библейских героев и связанный с ними сюжетно-мотивный комплекс в той или иной степени соотносимы с древнерусской традицией в тесном сочетании с народно-поэтической, которая, как можем судить по анализируемым текстам, воспринимается поэтом в качестве духовного посыла, призывающего человека задуматься над своей жизнью, в качестве способа приобщения к мировой духовной культуре: «Я просил бы читателей относиться ко всем моим Иисусам, Божьим Матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии. Отрицать я в себе этого этапа вычеркиванием не могу так же, как и все человечество не может смыть периода двух тысяч лет христианской культуры» (Предисловие [к неизданному собранию стихотворений и поэм] [V, 223–224]).

Генетический подход в обнаружении древнерусской рецепции также позволяет вычленить сюжетные и идейно-тематические мотивы, близкие мотиву русской иконописи (с образами Христа, Спаса, Троицы, Распятия, Успения и Покрова Богоматери и др.). Они прочитываются в маленьких поэмах «сакрального» текста 1917–1918 гг. «Инония», «Октоих», «Отчарь», здесь библейский Спас выступает как символ многострадальной Отчизны. В поэме «Отчарь» «Троица» Андрея Рублева, объединившая Отца, Сына и Святого Духа, — сложнейший символ — превращается в художественно и идейно значимый образ Руси, объединенной общей жертвенностью и любовью («Здравствуй, обновленный / Отчарь мой, мужик! [II, 35]). Дева Мария в центре звезды с младенцем Иисусом на руках в иконописном воспроизведении «Неопалимая Купина» в поэме «Октоих» символически означает светлый путь человека, освященный Рождеством Христовым, более того — веру в новую жизнь: «<...> Но тот, кто мыслил Девой, / Взойдет в корабль звезды» [II, 45]. Со святостью и нетленностью ассоциировался образ Маврикийского дуба, под которым Иисус встретился с Авраамом — родоначальником многих родов, на иконе Святой Троицы в поэме «Октоих», открывался посредством

ветхозаветного образа сакральный смысл рождения новых людей, благочестивых, освобожденных от греха. Каждый воспроизведенный православный праздник (например, Рождество Христово и Преполовление Пятидесятницы) символически подчеркивает святость Руси: «Святись преполовением / И рождеством святись <...>» [II, 41].

Продолжать этот сакральный перечень можно и далее, анализируя их природу и художественно-изобразительную ценность в целом ряде поэтических произведений Есенина разных лет, связанных с иконами богородичными, житийными, акафистными, с разными типами иконичного изображения Христа и «чудотворными ликами» святых, что было предпринято исследователями в ряде значимых работ⁶¹. Христианская иконопись⁶², наряду с русским народным лубком⁶³, являлась изобразительным источником немалого количества поэтических произведений автора, которые на этом уровне также объединялись с древнерусской словесностью. Как и в иконографичных текстах Древней Руси — житийных сочинениях, как в словесных «клеймах» к иконам и фрескам, в художественном пространстве Есенина икона выступает в качестве идеала соборного мироустройства:

Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет Божество живых.
(Инония [II, 62])

Внутреннее содержание православной изобразительной культуры воспроизводят и связанные с иконописным мотивом образы древнерусских иконо-

⁶¹ Базанов В.Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1982. 303 с.; Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. С. 124–196; Кедров К.А. Образы древнерусского искусства в поэзии С.А. Есенина. С. 165–180; Киселева Л.А. Христианско-иконографический аспект изучения поэтики Сергея Есенина // Есенин академический: Актуальные проблемы науч. издания. Есенинский сб. / отв. ред. Ю.Л. Прокушев; ред.-сост. М.В. Скороходов. М.: Наследие, 1995. С. 168–180. (Серия «Новое о Есенине». Вып. II); Лепяхин В.В. Иконичность двуединого мира в лирике Сергея Есенина // С.А. Есенин и православие. М.: К единству!, 2010. С. 180–205; Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М.: Сов. писатель, 1989. 302 с.; Михаленко Н.В. Иконописная цветопись в библейских поэмах С.А. Есенина // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 455–471; Юдушкина О.В. Библейские мотивы в поэмах С.А. Есенина 1917–1920 годов; Юдушкина О. «Маленькие поэмы» С.А. Есенина 1917–1920 годов.

⁶² См.: Киселева Л.А. Христианско-иконографический аспект изучения поэтики Сергея Есенина. С. 168–180.

⁶³ Ровинский Д.А. Русские народные картинки [изоматериал]: атлас в 3 т. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1881.

писцев, например, Алимпия Печерского из сказания «Киево-Печерского патерика», первого иконописца, имя которого запечатлено в истории (XI — начало XII в.): «Новый сойдет Олипий / Начертать его новый лик» [II, 64], и великого русского живописца Андрея Рублева (ок. 1360 — 1428/1430), духовную близость к которому отмечал и сам поэт («Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию <...>» (письмо А.В. Ширяевцу 1917 г. [VI, 95])). Современные исследователи отмечали родство есенинского образа-мифа «голубой Руси» особому цветоощущению («голубого покоя») иконичного мира Андрея Рублева. «Подлинное отношение новой русской культуры к Древней Руси лежит в продолжении тем, сюжетов, мотивов Древней Руси, в освоении ее художественных достижений, в художественном проникновении в древнерусскую жизнь, историю и культуру», — объяснял взаимосвязи на генетическом уровне разных литературных эпох и разных видов искусства Лихачев⁶⁴.

Более того, известно, что Есенин серьезно интересовался древнерусской живописью, в его личной библиотеке сохранилось заинтересовавшее его издание «Иконография Богоматери» Н.П. Кондакова⁶⁵ с владельческой записью на титульном листе «Сергей Есенин Май, 1917» [VII (2), 170]. Интерес к истории русской церковной живописи был далеко не случаен и объясним ранним знакомством Есенина с иконописью, с разными типами иконических изображений Христа и Богородицы, с особенностями русского иконостаса, знакомыми с детства и отрочества, а также последующим общением с представителями московской культурной среды, ориентированной на почитание национальных духовных святынь, посещением первых московских выставок русской иконной живописи в 1913–1914 гг., близостью к Обществу возрождения художественной Руси и к Ключеву, декларировавшему связь своей поэзии с русской иконописной традицией и видевшему врожденное «чувство иконы» в Есенине, и духовными исканиями самого поэта в «иконической» манере словесного письма.

Таким образом, древнерусская иконопись, будучи генетически связана с творчеством Есенина, объединяет его поэзию и словесность средневековой Руси посредством евангельских образов и мотивов, воплощающих взаимосвязь земного мира с возвышенным. Они дополняются общим набором художественных приемов и выразительных средств: *литургичностью* есенинского мироощущения и его *«храмовым чувством природы»*, *приемом цветописа* и характерной для православной иконописи *колористикой*⁶⁶ («чистые» цвета: красный, зеленый,

⁶⁴ Лихачев Д.С. Земля родная. С. 113.

⁶⁵ Кондаков Н.П. Иконография Богоматери: в 2 т. СПб.: Изд. Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук, 1914. Т. 1.

⁶⁶ См.: Кедров К.А. Образы древнерусского искусства в поэзии С.А. Есенина. С. 165–180; Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература. С. 130–131.

голубой, синий, желтый и золотой: «И четыре солнца из облачья, / Как четыре бочки с горы, / Золотые рассыпав обручи, / Скатясь, всколыхнут миры» (Инония [II, 64–65]), «*молитвенностью*» (прямые цитаты из Священного Писания («Или, Или, лама савахфани, — / Отпусти в закат» («Проплясал, проплакал дождь весенний...» [II, 133]) — «Около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф.27:46)), *обращением к молитвенным мотивам и похвалам святых* («Счастлив, кто в радости убогой, / Живя без друга и врага, / Пройдет проселочной дорогой, / Молясь на копны и стога» («Пойду в скуфье смиренным иноком...» [I, 41]); «Помяни мою молитву / Тот, кто ходит по долинам» («В лунном кружеве украдкой...» [I, 103])); *приемом прямых описаний икон и лубочных изображений* (например, иконы Святого Симеона Богоприимца в поэме «Отчарь»: «О чудотворец! / Широкоскулый и красноротый, / Приявший в корузные руки / Младенца нежного <...>» [II, 37]) и др.

Во всех подобных текстах Есенина звучит близкий древнерусской словесности мотив обожествления природы («Слава в вышних Богу / И на земле мир!» (Инония [II, 68])), который, по наблюдениям целого ряда исследователей, распадается на совокупность частных мотивов: «святость в природе», «Бог в природе», «Христос в природе», «природа-храм», вызывающая молитвенный восторг⁶⁷:

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримо Христу.
(Осень [I, 43])

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.
Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.
(«Чую радуницу Божью...» [I, 56])

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,

⁶⁷ Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. С. 80–105.

Когда звенят родные степи

Молитвословным ковылем.

(«Запели тесанные дроги...» [I, 84])

При этом очевидно, что образ мира-храма в поэзии Есенина максимально и органично отражает национальные представления о гармоничном мироустройстве, воплощенном как в древнерусской книжности, так и в богослужбной литургической практике, и в иконописной традиции («Встань, пришло исцеленье, / Навестил тебя Спас» («Покраснела рябина...» [I, 100])). Неслучайно прочитываются в есенинских произведениях общемировые мифологемы, органичные и для древнерусской словесности: «мир-храм», «мир-семья», «земной рай» — «иное царство», «сокровенный град», — достаточно подробно проанализированные в современных исследованиях. Как отмечает О.Е. Воронова, образ «мира-храма в творчестве Есенина эстетически связан не только с православной литургической традицией, но и с другим национальным феноменом художественного Богопознания — русской иконописью, обусловившей ментально окрашенный “иконический” код всей отечественной культуры, включая поэзию»⁶⁸. Именно этот мифологический комплекс формирует образ Руси, опирающийся на «архетипы» православной культуры от Древней Руси до есенинской современности.

Обращаясь к еще одному повороту исследования генетического характера, позволяющему заявлять, что древнерусский текст рецептивно проявляется в использовании Есениным жанровых традиций древнерусской словесности. Генетический подход исследования позволяет выявить востребованность ее жанровых канонов и жанровых традиций. Прежде всего, нужно учитывать примеры так называемой «консервации» родовидовой системы древнерусской книжности, то есть сохранение и продолжающееся развитие отдельных древнерусских жанров в постдревнерусскую эпоху. Прежде всего, таким потенциалом и востребованностью обладают жития и церковные проповеди («слова» и «поучения»).

Именно житийная литература Древней Руси во многом определила становление и развитие национального духовного сознания, формирование той системы нравственно-этических ценностей русской литературы, суть духовного бытия русского человека. Обращение писателей к агиографическим традициям (а не к конкретным текстам) является выражением их взыскательного и строгого отношения к современности, к нравственному оскудению общества, находящемуся в состоянии духовной смерти. Поэтому агиографический «код» органично вписался в творческое сознание русских писателей XX в., в том числе Есенина, обнаруживая его осведомленность в жанровых канонах словесности Древней

⁶⁸ Там же. С. 124.

Руси и формируя духовный контекст его творчества, на что не раз обращала внимание О.Е. Воронова, указывая, в том числе, на то, что «структурно и содержательно» его автобиографический миф «выстраивается как *житие-апокриф*»⁶⁹.

Исследователь отмечала постоянный «глубокий интерес» поэта к агиографическому наследию Древней Руси и влияние на его творчество древнерусских житийных традиций, например, в поэме «Микола» и стихотворении «Егорий», — произведениях, посвященных соответственно византийским св. Николаю Мирликийскому («Микола») и св. Георгию Победоносцу («Егорий»). Обозначим, однако, что в данном случае приоритетное влияние оказала не столько книжная традиция, сколько устно-поэтическая, а именно: духовные стихи и легенды, связанные с обозначенными героями. Особенно это проявляется в истории создания текстов, до появления которых Есенин слышал не один вариант духовных стихов и о «Миколе», и о «Егории». Та же ситуация актуальна для раннего рассказа поэта «У белой воды», который по сюжетно-мотивной схеме можно сопоставить с памятниками византийской агиографии, посвященными жизнеописанию раскаявшихся грешниц св. Марии-Магдалины, Марии Египетской и св. Пелагии⁷⁰. В то же время наряду с типичной сюжетной схемой, характерной для этого типа жития о «грешной святой»: «искушение — падение — раскаяние», — отмечается и влияние фольклорной традиции (религиозной легенды), а также родство с рассказом И.А. Бунина «При дороге» (1913)⁷¹. Еще одна поэма — «Товарищ» — дает возможность выявить в ней мотивы, характерные для древнерусских житий о князьях-страстотерпцах, начиная с первых русских святых Бориса и Глеба.

Агиографическое происхождение, но при этом авторскую интерпретацию имеют такие православные мотивы лирики Есенина, как:

— заступничество святых перед Господом (например, связанное с образом святого Николая Чудотворца, почитаемого на Руси как крестьянского святого: «На престоле светит зорче / В алых ризах кроткий Спас. / “Миколае-чудотворче, / Помолись ему за нас”» (Микола [II, 15]));

— богородичное покровительство (этот мотив связан с «образом Богоматери, духовно “усыновляющей” поэта и открывающей ему высокое жизненное предназначение»: «Льется пламя в бездну зренья, / в сердце радость детских снов. / Я поверил от рожденья / в Богородицын покров» («Чую радуницу Божью...» [I, 57]));

⁶⁹ Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. С. 97–124.

⁷⁰ Русский перевод греческого текста Жития опубликован в: Византийские легенды / изд. подгот. С.В. Полякова. Репр. изд. 1972 г. СПб.: Наука, 2004. 301 с.

⁷¹ Воронова О.Е. Рассказ С.А. Есенина «У Белой воды» в контексте фольклорных и литературных традиций // С.А. Есенин: Проблемы творчества, связи: межвуз. сб. науч. трудов. Рязань: РГПУ, 1995. С. 31.

— видение чудотворной иконы (например, «ожившая» икона Иоанна Дамаскина: «И за глухие поклоны / С лика упавших седин / Пишет им числа с иконы / Божий слуга - Дамаскин» («Снег, словно мед ноздреватый...» [IV, 158]));

— сходжение божественной благодати Святого Духа (для поэта — это источник творчества и дара пророчества: «Голубиный дух от Бога, / Словно огненный язык, / Завладел моей дорогой, / Заглушил мой слабый крик» («Чую радуницу Божью...» [I, 56]));

— изменение человеческой души посредством чуда соприкосновения с Божьими силами, борьба духа и плоти, преодоление соблазнов и искушений (для Есенина исповедальное сокрушение о своей греховной природе и жажда покаяния: «Кроток дух монастырского жителя, / Жадно слушаешь ты ектенью, / Помолись перед ликом Спасителя / За погибшую душу мою» («За горами, за желтыми долами...» [I, 23]));

— предчувствие кончины в завершении жизненного пути («Чтоб за все за грехи мои тяжкие, / За неверие в благодать, / Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать <...>» («Мне осталась одна забава...» [I, 186])) и т. д.

В комплексе с ними следует отметить элементы сюжетно-мотивной организации житийных текстов, большей частью характерные для типа преподобнического жития (например, «Жития Феодосия Печерского» или «Жития Сергия Радонежского», с большой долей вероятности знакомых Есенину с ранних лет), на которые в разное время обращали внимание исследователи: *чудесное рождение и предсказание судьбы избранного* («Родился я с песнями в травном одеяле / Зори меня вешние в радугу свалили» («Матушка в купальницу по лесу ходила...» [I, 29])); *благочестивое происхождение* («благочестивые» дед и бабушка поэта с их заветами на будущую праведную жизнь); *сакрализация детских и отроческих лет подвижника* («Ты был так кроток, / Был ты так смиренен» (Письмо от матери [II, 127])); *деятельная любовь к людям и к «братьям нашим меньшим»* («Звери, звери, приидите ко мне / В чашки рук моих злобу выплакать!» (Кобыльки корабли [II, 79])), *Божье благословение на избранный путь* («Шлет им лучистую радость во мглу / Светлая дева в иконному гулу. / С тихой улыбкой на тонких губах / Держит их внука она на руках» («К теплому свету, на отчий порог...» [IV, 159])).

Житийная традиция, создающая модель «сакрализованной биографии» поэта, прослеживается и в повторяющемся в есенинских произведениях образе «христолюбивого отрока» — «ласкового послушника» и «смиренного инока», «захожего богомольца» и «вечно странствующего странника», — который в древнерусской книжности представляет образец смиренного, жертвенного типа святого, восходящий к евангельскому сюжету о Крестной смерти Иисуса Христа (Феодосий Печерский, отрок Варфоломей — Сергий Радонежский) — «кроток дух монастырского жителя» («За горами, за желтыми долами...» [I, 23]). Заслуживают внимания стихотворные строки: «В сердце почивают тишина и мощи»,

«Чую радуницу божью», «В елях — крылья херувима» и др., — которые воссоздают образ «светлого отрока», визуально напоминающего «Видение отрока Варфоломея» художника Нестерова, хорошо знакомого с Есениным и родственного ему некой «мистической тишиной» своих картин (С. Городецкий):

Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.
(«За горами, за желтыми долами...» [I, 22])

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрсым босяком <...>. [I, 40]

Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь природоужью,
Припадаю на траву.
(«Чую радуницу Божью...» [I, 56])

В этом же контексте особо следует обратить внимание на близость поэта к его небесному покровителю — святому Сергию Радонежскому несмотря на противоречивость восприятия всего «радонежского» и на отсутствие текстологической связи его произведений с житием преподобного: наречение будущего поэта по святым в его честь, принятая в дар икона Сергия от великой княгини Елизаветы Федоровны, настоятельницы Марфо-Мариинской обители, ощущение духовного родства, прочитываемое в подтексте есенинских стихов. Воспринятый поэтом еще с детства тип святого, в котором преломились религиозно-христианские идеи и народные представления о праведничестве, позволяет говорить о знании поэтом жанрового содержания житий и об особом авторском преломлении духовного опыта, полученного благодаря освоению древнерусского литературного наследия. Комплекс житийных мотивов и связанных с ними образов, повторяющихся от текста к тексту, далеко не случаен и определяется одной религиозно-культурной «матрицей», которая по-разному проявляется как в ранних стихах, так и в зрелых поэмах, что, безусловно, требует дальнейшего изучения и существенного уточнения.

И, наконец, еще одна возможность обращения к генетическому подходу в исследовании древнерусской рецепции — изучение художественно-изобразительных средств и приемов древнерусского текста, влияющего на стилистически-языковой плат стихотворных произведений Есенина. Именно они придают произведениям своеобразный колорит и особое звучание — «ту издревле сложившуюся певучесть языка и песенной лирики, что так подкупает современного

читателя»⁷² (отмечается в целом ряде текстов: «Песнь о Великом походе», «По-осеннему кычет сова...» и др.):

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани,
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет. [I, 150]

Исследователи в работах разных лет не раз писали о рецептивном восприятии стилистики и типа повествования в произведениях поэта, близких древнерусской поэтике, их обобщение позволяет глубже проникнуть в художественный мир есенинской поэзии, характерные черты которого: *склонность к подражанию образцам, объемность и открытость* — почти летописная — *пространства, исповедальная направленность и молитвенные интонации, сочетание религиозной (особенно библейской) и народно-языческой символики, числовая и цветовая символика*, приводящая в том числе к *трагической контрастности повествования* (черный ад / белая смерть — «Видю сон. Дорога черная. / Белый конь. Стопа упорная» [I, 224]), *фразеологические обороты из диалекта и языка древней письменности* (извольно, поставник, дикомыть, ушук), *обращение к системе традиционных, канонизированных образов-символов*, не исключающих использования устоявшегося приема повтора: «И потому, что я постиг / Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, — / Я говорю на каждый миг, / Что все на свете повторимо («Цветы мне говорят — прощай...» [I, 293])). Следует уточнить, что каждый из пунктов требует последующего рассмотрения как прозаического, так и стихотворного творчества поэта, функционирования древнерусских традиций, которые отмечаются не только в образной системе и мотивной организации есенинских текстов, но и на уровне их поэтики.

Таким образом, в творчестве Есенина эти проявления рецепции древнерусского текста вступают в сложное соединение с библейской и фольклорной (порой языческой-древнеславянской) образностью, особенно образностью религиозного фольклора (духовных стихов и легенд), со знанием народной обрядовой культуры (обрядностью календарной и семейной), что определяет исконную русскость поэта, национальную специфику его творчества. Ведь именно в древнерусской словесности, по словам Лихачева, «русскость была выражена с наибольшей отчетливостью». В этом смысле, безусловно, Есенин представляет собой новый тип художника — носителя народной духовной и художественной культуры, осмысляющего основы национального бытия и восстанавливающего духовный облик

⁷² Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература. С. 121.

вечной Руси, яркого выразителя русского национального сознания во всей его самобытности и полноте.

* * *

Серьезного исследовательского внимания требует применение *источниковедческого подхода* в процессе изучения древнерусской рецепции в творчестве Есенина. Источниковедческий подход подразумевает поиск и определение конкретных источников древности, чаще всего хорошо известных — «знаковых», — дающих писателю тему, мотив, образ, сюжетно-композиционные приемы, жанровую форму, сопоставление сочинений, созданных в разные исторические эпохи, учет и интерпретацию их вариантов, определение специфики литературного творчества Нового времени и средневековья, авторского замысла и практики использования исходных текстов⁷³.

При этом у исследователей возникали сомнения по поводу источниковедческого подхода, в том числе у одного из первых, обратившихся к постановке проблемы «Есенин и древнерусская литература». Прокофьев полагал, что «у С. Есенина нет ни одного произведения, которое строилось бы на основе древнерусских литературных источников, как это имело место у ряда русских писателей (поэты-декабристы, Пушкин, Л. Толстой и др.)»; «<...> в поэзии С. Есенина, как и у М. Лермонтова и П. Катенина, трудно определить те поэтические источники, которые легли в основу сюжетов и сюжетных мотивов тех или иных произведений на историческую тему»⁷⁴. С другой стороны, для ученых очевидной была сложность использования «чужого слова» Есениным, в частности комментаторами издания «Полного собрания сочинений» отмечалось, что, во-первых, поэт «почти всегда цитировал чужие произведения по памяти и без отсылок» [V, 437], и, во-вторых, «если Есенин писал, так или иначе ориентируясь на конкретные источники, — например, полемизируя с оппонентами, — он иногда непроизвольно переходил на их язык, делая “своими” и “чужие” выражения, и даже отдельные слова <...>»⁷⁵, что, впрочем, можно отметить как черту сходную с манерой письма и обращения с текстом древнерусского книжника.

Вместе с тем, источниковедческий подход функционально помогает выявить те сочинения древнерусского наследия, которые привлекали поэта и нашли отражение в разных формах текстологической связи с его произведениями. Специ-

⁷³ Пауткин А.А. Медиевистическое источниковедение литературы Нового времени в системе многоступенчатого филологического образования.

⁷⁴ Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература. С. 125, 133.

⁷⁵ Субботин С.И. К истории текстов «Иорданской голубицы», «Ленина» и «Песни о Евпатии Коловрате» // Есенин академический: Актуальные проблемы науч. издания. Есенинский сб. / отв. ред. Ю.Л. Прокушев; ред.-сост. М.В. Скорыходов. М.: Наследие, 1995. С. 47. (Серия «Новое о Есенине». Вып. II)

фикой его творческой манеры, причем с ранних произведений и писем, является произвольный или сознательный переход на «чужое слово», «чужой» язык «с целью утвердить свой взгляд на тот или иной мотив или сюжет, получивший отражение в художественной литературе, фольклоре и других источниках»⁷⁶, отсюда исследовательская необходимость выявить источники явных или скрытых интертекстуальных «цитирований», к которым автор обращался постоянно. Неслучайно в связи с этим указание Ю.Н. Тынянова на то, что Есенин «кажется порою хрестоматией “от Пушкина до наших дней”», а, по нашему мнению, не «от Пушкина», а от фольклора и древнерусской словесности.

Прежде всего, источниковедческий подход исследования позволяет привлечь «Слово о полку Игореве». Есенин, по свидетельству современников, знал текст «Слова» наизусть, был им абсолютно поэтически очарован и считал его гениальным памятником древнерусской литературы: «Я познакомился с ним очень рано и был совершенно ошеломлен им, ходил как помешанный. Какая образность! Какой язык!»⁷⁷. Авторское восприятие текста и личная симпатия поэта в данном случае согласуется с рецепцией древнерусского шедевра в отечественной словесности начала XX в. Ю.М. Лотман писал, что «Слово» «не открылось» перед писателями XIX столетия, а XX век, напротив, оставил немало произведений, испытавших на себе его многоплановое творческое воздействие, открывающихся ныне перед эвристическим источниковедением⁷⁸. Для поэтов и прозаиков Нового времени «Слово» было привлекательно, по наблюдению Ранчина, «именно как произведение мифопоэтической природы, содержащее нетривиальные символы и метафоры», особенно всплеск интереса в начале XX в. отмечается «у стихотворцев, культивирующих мифопоэтику и/или придающих особое значение словесному знаку», прежде всего у символистов и футуристов⁷⁹.

Особенности поэтики памятника, его мифопоэтический характер оказались созвучны художественному мастерству и поэтическому чутью Есенина. Именно это он имел в виду, когда талантливо обыгрывал и цитаты, и то, что знал о «Слове», в своей многочисленной переписке, например, в письмах к Иванову-Разумнику от 1921 г.: «Теперь я просто говорю, что это эпоха двойного зрения, оправданная двойным слухом моих отцов, создавших “Слово о полку Игореве” и такие

⁷⁶ Шубникова-Гусева Н.И. Есенин академический. К 125-летию со дня рождения поэта // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4. С. 276.

⁷⁷ Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине. С. 441.

⁷⁸ Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // *Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 330–405.*

⁷⁹ Ранчин А. Древнерусская словесность и русская литература Нового времени: к проблеме преемственности // *Текст и традиция: альманах 1. СПб.: Росток, 2013. С. 73–74.* См. также: Панченко А.М., Смирнов И.П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // *ТОДРЛ. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1971. Т. XXVI. С. 33–49.*

строчки, как: “На оболони телегы скрыпать, / Рцы лебеди распужени” (письмо Иванову-Разумнику 1921 г. [VI, 126]). Примечательно, что процитированные Есениным, скорее всего, по памяти фрагменты свидетельствуют, по замечанию комментаторов А.Н. Захарова и Т.К. Савченко, с одной стороны, о соединении двух цитат из «Слова» («крычать: телегы полунощи, рьци — лебеди распущени» и «<...> на болони бешя дебрь <....>»), с другой, — о неявном указании на знакомство поэта с разными изданиями древнерусского памятника: «Есенин вместо “распущени” употребил другую форму — “распужени”, скорее всего, свидетельствует в пользу его знакомства и с более поздними изданиями “Слова о полку Игореве” в серии РКЛБ⁸⁰ (13-м, 14-м или 15-м). В них к слову “распущени” было дано примечание: “Также: распужени (распуганные)” (см., напр., кн. “Слово о полку Игоря”, Пг., 1915, изд. 3-е, с. 4; РКЛБ, вып. I). Этого примечания в предыдущих двенадцати серийных изданиях “Слова...” не было» [VI, 501, 502].

На знание и использование Есениным в трактате «Ключи Марии» еще одного издания «Слова» — 1911 г. в серии «Русская классная библиотека»⁸¹ — указано в комментариях 7-томного Полного собрания сочинений: две цитаты «Слова» в трактате приведены в соответствии с написанием слов и особенностями пунктуации именно этой публикации древнерусского текста («на Немизе снопы стелют головами со костями русьских сынов», «<...> стрибожи внуци, «веють с моря стрелами» <...>» [V, 205, 206]). Эта работа свидетельствует, насколько высоко поэт ценил «Слово о полку Игореве», а обе цитаты из него — это яркий образец того, как создаются образы-метафоры в древнерусском тексте, раскрывая свой многосемантический потенциал и художественную целостность («На этом образе построены почти все мифы <...>, он пронзает устремление почти всех народов в их лучших произведениях» [V, 206]).

Не менее значимо обращение Есенина к образам «Слова», которые выступают в качестве символов, своего рода поэтического «кода», разноплановое вложение их в ткань произведений поэта ради описания им собственных чувств и эмоций. Например, в название литературно-критической статьи «Ярославны плачут» — образа *Ярославны*; в рассуждения о природе искусства и ценности мирового эпоса в трактате «Ключи Марии» — образов языческого бога *Стрибога* («Русскому же уму через то, что Перун и Дажьбог пели стрелами Стрибога о вселенском дубе, нужен был всего лишь с запрокинутой головой в небо конек

⁸⁰ Имеется в виду серийное издание «Русская классная библиотека, издаваемая под редакцию А.Н. Чудинова. Пособие при изучении русской литературы» (СПб.: И. Глазунов, 1891–1918).

⁸¹ Слово о полку Игоря: Текст памятника с примечаниями, прозаический и поэтический его переводы, материалы для сравнительного изучения, объяснительные статьи и словарь. СПб.: Изд. И. Глазунова, 1911. 82 с. (Русская классная б-ка, издаваемая под ред. А.Н. Чудинова. Пособие при изучении русской литературы. Вып. I).

на кровле», «<...> стрибжи внуци, «веють с моря стрелами» <...>» [V, 197, 205]) и *Бояна* («<...> если Гомер мог сказать о слове, что оно, «как птица, вылетает из-за горюдьбы зубов», то и наш *Боян* не мог не дать образа перстам и струнам, уподобляя первых десяти соколам, а вторых, стае лебедей, не мог он и себя не опрокинуть так же, как Трисмегист, в небо, где мысль, как древо, а сам он, «*Бояне веций Велесов внуче*», соловьем скачет по ветвям этого древа мысли, ибо то и другое рождается в одних яслях явления музыки и творческой картины по законам самой природы» [V, 197–198] — «Слово о полку Игореве»: «Боян <...> не десять соколов на стадо лебедей пускал: он свои веchie персты на живые струны вскладал <...>»; «<...> вѣций Бояне, Велесовъ внуче <...>»; «<...> скача, славию, по мыслену древу <...>»⁸²).

Есенин не раз прибегал к этому тексту и в литературно-критических статьях, и в художественных произведениях, не только ссылался на него, открыто называя в качестве источника цитируемого материала, но и поэтически воспроизводил в своих стихотворных произведениях вполне узнаваемые строки из «Слова». Цитирование «Слова», явное и скрытое, дословное и неточное последовательно воссоздает стиль источника, наполняя тексты Есенина «тончайшим сплавом» — древнерусской стилистикой в сочетании с фольклорной образностью. На явную связь древнерусского текста с творчеством поэта указывают строки из многих произведений, например, из стихотворения «По-осеннему *кычет* сова / Над раздольем дорожной рани...» [I, 150]), из поэм «Товарищ», «Преображение», «Инония», «Пугачев», «Песнь о великом походе»:

А за синим Доном,
Станицы казачей,
В это время волк ехидный
По-кукушьи плачет
<...>
Расстелились наши пики
С Дона до Дуная
<...>
Как снопы лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топают,
Но напор от нас
Всё сильнее, сильнее,

⁸² Там же. С. 17; 2–3.

Бьются восемь дней,

Бьются девять дней.

(Песнь о великом походе [III, 128, 129, 131–132])

Очевидно особое внимание Есенина к «Слову», и в основе его не внешние подражания, а восприятие самого духа текста, хотя при этом убедительны и конкретные аналогии с этим произведением, явные цитаты и ссылки на него. Благодаря чему, несмотря на сложный сплав древнерусской и устно-поэтической образности, реминисценции из основного источника здесь абсолютно узнаваемы и могут свидетельствовать о глубоких национальных истоках поэзии Есенина, о понимании им семантической многомерности и мифопоэтической природы древнерусского памятника.

Также выделим еще два варианта выявления древнерусской рецепции в результате использования источниковедческого подхода, который позволил, обобщив уже имеющиеся наблюдения исследователей, выявить связь конкретных древнерусских произведений с есенинскими. Причем, оговоримся сразу же, несмотря на заданность основных направлений, их более детальное изучение — дело будущего (вопрос текстологической связи древнерусского текста с другим произведениями Есенина, зависимость от эпохи и периода творческой эволюции поэта, функционирования разных видов интертекстуального прочтения текстов Древней Руси и т. п.).

Речь идет о космографическом описании Козьмы Индикоплова и эпистолярном сочинении Даниила Заточника. Имеется в виду «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, переводная «топография» византийского путешественника и космографа VI в. н. э., сочинение о строении Вселенной на основе библейских легенд. До настоящего времени вопрос у исследователей вызывает источник данного текста. По предположению Прокофьева⁸³, поэт мог познакомиться с «топографией» или по ее полному изданию 1886 г.⁸⁴, или по исследованию И.И. Срезневского «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках»⁸⁵. Комментаторы в 7-томном «Полном собрании сочинений» высказали мнение, что впервые об Индикоплове Есенин мог услышать гораздо позже в редакции журнала «Млечный Путь», точнее — узнать из опубликованной там статьи «Миниатюры раннего средневековья» (1915, № 6, с. 87; подпись: В. Ш.); и только через год было опубликовано «обширное исследование Е.К. Редина “Христианская

⁸³ Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература. С. 124.

⁸⁴ Книга глаголемая Козма Индикоплова. СПб.: Фото-литография Р. Голике, 1886. 240 с. (ОЛДП [Общество любителей древней письменности. Изд. LXXXVI. № 255]).

⁸⁵ Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1867. VIII.100. 16 с.

топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Часть первая» (М., 1916), без сомнения, читанное поэтом» [VI, 422–423].

Впервые к приему реминисценции на основе «Христианской топографии» Есенин обратился в письме А.В. Ширяевцу от 24 июня 1917 г., упоминая имя Индикоплова и его знаменитый текст как источник древних знаний, признак «скифства», что было созвучно мировоззренческим установкам и художественным принципам поэта в ту эпоху: «Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова <...>» (письмо А.В. Ширяевцу 1917 г. [VI, 95]). Вскоре имя космографа прозвучит в поэме «Инония» (1918):

Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришел Индикоплов.
Все молитвы в твоём часослове я
Прокляю моим клювом слов. [II, 63]

Для Есенина византийские «писания» были привлекательны их легендарным характером, космической образностью, столь значимой для поэта, выстроенностью мирового пространства, обладали несомненной поэтической ценностью. Поэтому использование одного имени византийского путешественника как некоего символа для поэта знаменовало приход нового мира — создание нового града-рая Инонии «с золотыми шапками гор», где «новый на кобыле / едет к миру Спас». А себя поэт ощущал новым космографом, революционным «летописцем», создателем истории новой Вселенной в обновленную эпоху.

Свидетельством хорошего знакомства поэта с текстом «топографии» также выступила еще одна реминисценция в формате неточной цитаты, прозвучавшей в статье «Бродвей» (1923) при описании чикагских «флигелей» как символа Америки, напомнивших «описание Козьмы Индикоплова, который уверял всех, что он видел то место, где *земля сходится с пологом неба* (курсив наш. — А. Р.). Правда! Оно, положим, и есть ступени, но никто по ним не ходит, потому что ступени эти «чёртиковы» существуют только на пожарные случаи, а поднимаются там исключительно в лифтах в 3–4 секунды до 46 этажа» [V, 273–274] (сравним с переводным текстом: «*К краям земли с четырех ее сторон небо приклеено своими краями* [курсив наш. — А. Р.], образуя, так сказать, четырехугольный вид куба. На верху на высоте небо изгибается в виде свода в длину и образуется как бы большой купол <...>»⁸⁶). Здесь реминисценция, скорее, воспроизводит симво-

⁸⁶ Цит. по: Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам: Исслед. проф. Харьк. ун-та Е.К. Редина. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. Ч. 1. С. 110.

лический образ, который некогда был рожден творческим воображением поэта после прочтения переводного источника.

Еще один древнерусский источник может быть привлечен для анализа творчества Есенина в этом аспекте — сочинения Даниила Заточника, автора «Слова» и «Моления» (XII–XIII вв.). Текст за авторством Заточника известен в двух редакциях (чаще «Словом» называется первая редакция, а «Молением» — вторая) или как два разных памятника (данный вопрос об истории и времени создания каждого варианта текста до сих пор считается дискуссионным в исследовательских кругах⁸⁷). Есенину были известны оба варианта, по крайней мере обращался он к тексту и «Моления», и «Слова».

Прежде всего, обращает на себя внимание цитата из «Моления» Даниила Заточника, художественный образ в которой явно привлек внимание поэта своей поэтичностью и символичностью, особой выразительностью и афористичностью стиля: «<...> помяни мене, под едином рубом лежащаго, зимою умирающа, и каплями дождевыми, яко стрелами [курсив наш. — А. Р.], пронизаема»⁸⁸. Не исключается, что цитирование в свободной форме («по памяти и в сокращении» (комментарий С.И. Субботина [II, 279])) было именно по этому хрестоматийному источнику, по одному из 13 изданий, опубликованных до 1917 г. Данный образ в разных вариациях проявится в произведениях поэта 1917 г.: в стихотворении «Где ты, где ты, отчий дом ...» («Этот дождик с сонмом стрел / В тучах дом мой завертел, / Синий подкосил цветок, / Золотой примял песок. / Этот дождик с сонмом стрел» [I, 118] [курсив наш. — А. Р.]) и перифразой в маленькой поэме «Пришествие» («Господи, я верую!.. / Но введи в свой рай / Дождевыми стрелами [курсив наш. — А. Р.] / Мой пронзенный край» [II, 46]), а также неточной цитатой в качестве эпиграфа в сборниках стихов «Красный звон» и «Скифы» (сборник 2-й), открывающего цикл из пяти маленьких поэм Есенина «Стихослов»: «Помяни меня каплями дождевыми, яко стрелами пронизаема. Даниил Заточник» [II, 278–279].

Уже в 1918 г. в трактате «Ключи Марии» Есенин называет «Слово» Даниила Заточника в ряду «множества других произведений, которые выпукло светят на протяжении долгого ряда веков» [V, 206], и цитирует текст первой редакции, отличной от той, к которой обращался ранее: «Эдда построила мир из отдельных частей тела убитого Имира, Индия в Ведах через браман утверждает то же самое, что и Даниил Заточник: «Тело составляется жилами, яко древо корением. По ним же тече секерою сок и кровь, иже память воды» [V, 196]. По замечаниям, данным в комментариях к трактату в «Полном собрании сочинений», отмечается связь

⁸⁷ Лихачев Д.С. Даниил Заточник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. С. 112–113; Соколова Л.В. Слово Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 634–635.

⁸⁸ Буслев Ф.И. Русская хрестоматия. С. 128.

выделенного фрагмента с исследованием Ф.И. Буслаева «Мифические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии» (1861 г.)⁸⁹, который одним из первых обратился к изучению сочинений Даниила: «Скорее всего, в «Ключах Марии» Есенин дал названия указанным сочинениям вслед за работами Буслаева» [V, 487].

Особо отметим, что источники есенинских произведений можно обнаружить в летописном и воинском повествовании Древней Руси, в связи с чем органично привлечение ранней поэмы Есенина «Песня о Евпатии Коловрате» [II, 174–180], известной в двух авторских редакциях (первая — под заглавием «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, о цвете Троеручице, о черном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе» в издании 1918 г., вторая — «сокращенный и переработанный вариант первоначального текста» в издании 1925 г.). Применение источниковедческого подхода к этому произведению с целью поиска древнерусского источника отличается, на наш взгляд, сложностью и неоднозначностью, впрочем, как и сам есенинский текст, по признанию исследователей, — загадочностью и противоречивостью.

Вопрос об источниках «Песни» обсуждался в есениноведении достаточно давно, прежде всего, с целью определения ее книжной или фольклорной природы, решения текстологической проблемы: что представляет собой эта маленькая поэма — творческое переложение одной из частей древнерусской «Повести о разорении Рязани Батыем» из цикла рязанских повестей о Николе Зараском или устных народных источников, посвященных рязанскому воеводе Евпатии Коловрату, ставшему героем трагического противостояния с татарами в 1237 г.⁹⁰

Очевидны в поэме Есенина (в обеих редакциях, но более явно в первой) стилизация устной народной поэзии и фольклорная интерпретация художественных образов и сюжетно-композиционной организации текста, созвучные его поэтической системе. В связи с этим ряд исследователей настаивал на устном происхождении есенинского текста и резком отличии от книжного, хотя основой и древнерусской повести является народное творчество, предположительно, рязанского происхождения⁹¹ (предания или песни исторические/дружинные/богатырские, не сохранившиеся в своем первоначальном виде): «<...>древняя песня о Евпатии не исчезла из памяти народа, и Есенин со всеми

⁸⁹ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова. В тип. Т-ва «Общественная польза», 1861. С. 143, 147–148.

⁹⁰ Юшин П.Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 153–172.

⁹¹ Путилов Б.Н. Песня о Евпатии Коловрате // ТОДРЛ. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1955. Т. XI. С. 118–139.

временными, социальными и идейными видоизменениями слышал ее у себя на родине и на ее основе создал свою поэму <...>⁹².

Поиски книжного происхождения, в первую очередь, обнаруживают близость к воинской «Повести» на сюжетном уровне в обеих редакциях есенинского текста:

Не заря течет за Коломною,	Налетала рать Евпатия,
Не пожар стоит над путиною —	Сокрушала сыгь поганую.
Бьются соколы-дружинники,	Защемило сердце Батяя,
Налетая на татаровье.	Хлябушиной закобонилось.
Всколыхнулось сердце Батяя:	<i>Не рязанцы ль встали мертвые</i>
Что случилось там, приключилося?	На угубу кроволитную?
<i>Не рязанцы ль встали мертвые</i>	(первая редакция) [II, 200]
На побоище кроволитное?	
(вторая редакция) [II, 179]	

Объединяющим сюжетным ядром является именно рассказ о нападении дружины Коловрата на войско татар после рязанского «разорения», который в древнерусском варианте составляет позднее (кон. XIV – нач. XV в.) присоединение на основе фольклорных источников: «И погнаша во след безбожного царя, и едва угнаша его в земли Суздалстей. И внезапно нападоша на станы Батыевы, и начаша сѣчи без милости, и сметоша яко всѣ полкы татарскыя. Татарове же ста-ша яко пианы или неистовы. Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи при-тупишася, и емля татарскыя мечи и сѣчаша их. Татарове мняша, *яко мертви вос-таша!*»⁹³. Мотив восставших побитых рязанцев воплотился в выражении «Не рязанцы ль встали мертвые», которое является непрямой цитатой древнерусского текста: «яко мертви восташа». Помимо этого исторического сюжета древнерусскую повесть и есенинскую «Песню» («Сказание») ничего не объединяет: ни последующее сюжетное развитие, ни композиционное построение, ни трактовка описываемых событий. Особенно обращает на себя внимание сюжетная «неканоничность» есенинского текста, объясняющая причины гибели дружины Коловрата, — «зелено вино», испитое накануне решающей битвы с Батыем сотоварищами «хороброго» Евпатия, после которого войско «бражников», включая Коловрата, было побито татарами, поглумившимися над русскими воинами и сделавшими из их черепов чаши для вина: «А рязанцам стать — / Только спяну спать; / Не в бою бы быть, / А в снопах лежать» [II, 179].

⁹² Юшин П.Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. С. 159.

⁹³ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 527 с.

Данный сюжетный ход, безусловно, потребовал продолжения источниковедческого исследования — знания новых книжных свидетельств, дополняющих воинскую повесть. О вновь найденном, малоизвестном древнерусском источнике «Песни» писала Воронова, обосновывая гипотезу о том, что есенинская поэма о Коловрате «является своеобразной контаминацией двух летописных произведений — “Повести о разорении Рязани Батыем” и “Повести о побоище на реке Пьяне”»⁹⁴. Последняя, в свою очередь, содержала хорошо известный эпизод о победе ордынцев над русским войском в 1377 г. на берегу Пьяны, которое накануне битвы предавалось пьянству, было застигнуто врасплох и в итоге наголову разбито. Такое сочетание источников привело к воплощению в «Песне» неканонической версии исторического сюжета о трагической гибели рязанской дружины, что и позволяет исследователю сделать вывод об особой авторской стратегии поэта в отношении исторической тематики. Авторская свобода и подтекстовые параллели ему как «поэту», а не как «историческому писателю» (по словам самого же Есенина) помогают создать «поэму-предупреждение», в которой на новом этапе творчества художественно воплотится сквозная для него тема — «противоречивых стихий русской души».

При этом актуальным для источниковедческого исследования остается вопрос о том, на основании какого издания Есенину стала известна летописная повесть «о реке Пьяне». Не исключено, что это «История государства Российского» Карамзина, в передаче которой Есенину и могла быть знакома интерпретация летописных сюжетов. Впрочем, карамзинская история содержала повествования о всех достаточно хорошо известных «пьяных» битвах, когда в результате «разгульного» поведения воинов их ожидало поражение в решающих сражениях: 1016 г. — пьянство войска Святополка накануне битвы с Ярославом под Любечем, 1216 г. — междоусобное побоище при Липицах между сыновьями Всеволода Большое Гнездо, «пьяные» сражения при Василии II Темном в 1433 г. при Клязьме и в 1445 г. при Суздале, несколько подобных эпизодов в противостоянии Москвы и Казани, начиная с 1506 г. (описаны в «Казанском истории»). Фольклорные источники также содержали подобные сюжеты с «хмельным питием», которое могло быть сокрушительной причиной трагического поражения воинов, объединяющим началом которых могла бы стать русская пословица: «питва — не битва» или, напротив, восходящий к народнопоэтической традиции образ битвы-кровавого пира, известный еще и в «Повести временных лет», и в «Слове о полку Игореве».

Таким образом, следует согласиться с исследователями (В.В. Коржаном, Ю.Л. Прокушевым, В.В. Базановым и др.), которые считали, что нет оснований для выделения одного источника «Песни о Евпатии Коловрате» Есенина: зна-

⁹⁴ Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. С. 239.

ние исторического сюжета по «Повести о разорении Рязани Батыем» дополнено устно-народными интерпретациями этого и тематически близких сюжетов, что свидетельствует об авторском отношении поэта к истории и ее художественному воссозданию. Добавим к этому теоретический источник, предположение по привлечению которого сделал еще Прокофьев⁹⁵, — «Очерки русской народной словесности» В.Ф. Миллера⁹⁶, с которыми вполне мог быть знаком поэт. Обращают на себя внимание наблюдения фольклориста, которые могли его привлечь и отразиться в тексте «Песни»: рязанский источник («и содержание, и форма, и место приведенного эпизода об Евпатии Коловрате показывают, что перед нами переданная прозой народная песня рязанского происхождения, вставленная в повесть о Батыевом нашествии»⁹⁷), близость к сюжету о Евпатии былины о Батыге (Батые), в основе которой — противостояние с ордынцем «доброго молодца»-«голи кабацкой» Василия, богатыря-горького пьяницы, промотавшего свою жизнь в кабаке (есенинский образ Евпатия — «Как держал он кузню-крыницу, / Лошадей ковал да бражничал» [II, 176]), образы «пьяных татар» (у Есенина — пьяные дружинники Коловрата «над сивухой думы думали, / Запивали думы брагою» [II, 178]) и «богородичный» мотив, связанный с «Матерью Пресвятой Богородицей», которая «тужила» о вере христианской (в «Сказании» Есенина — Троеручица: «Выходила Троеручица / На крылечко с горней стражею» [II, 198]), стилистические особенности и т. п.

Безусловен еще один аспект источниковедческого анализа древнерусской рецепции в есенинском творчестве — обращение к научным изданиям, требующее более основательного и последовательного изучения. Открывают эту исследовательскую проблему ссылки самого Есенина в эпистолярных текстах и теоретических работах на исследователей фольклора и древнерусской письменности. Также наблюдения над текстами, дополненные, в первую очередь, комментаторской работой составителей «Полного собрания сочинений» Есенина, свидетельствуют о том, что поэт не понаслышке был знаком с исследованиями в области древнерусского искусства. Так, теоретический трактат «Ключи Марии» открывает целый комплекс работ, к которым поэт обращался, нередко полемизируя с ними, и которые использовал при его написании⁹⁸:

⁹⁵ Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература. С. 127.

⁹⁶ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. 672 с.

⁹⁷ Там же. С. 455.

⁹⁸ О теоретических истоках трактата «Ключи Марии» писали многие исследователи (Б.В. Нейман, А.М. Марченко, Н.Ф. Бабушкин, В.А. Вдовин, А.А. Козловский и др.), наиболее обстоятельно это сделал В.Г. Базанов, показавший сходство и различие идей поэта и ученых (Базанов В.Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. С. 46–79; Базанов В.Г. Древнерусские ключи к «Ключам Марии» Есенина. С. 204–249). См.: [V, 437–438].

«Значение и пути его <орнамента> объясняли в трудах своих Стасов и Буслаев, много других <...>»; «Исследователи древнерусской письменности и строительного орнамента забыли главным образом то, что народ наш живет больше устами, чем рукою и глазом <...>» [V, 187, 190] (Есенин имел в виду Ф.И. Буслаева, В.В. Стасова, С.Г. Строганова, В.И. Бутовского, Е. Виоллеле-Дюка и др., с трудами которых он был знаком [V, 465]).

В этом ключе следует обратить внимание на труды следующих ученых, которые так или иначе проявились в творчестве поэта:

— филолога и историка искусства *Ф.И. Буслаева* («Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (в частности, главы «Мифические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии», «Русская поэзия XI и начала XII веков»), «Исторические очерки Ф.И. Буслаева по русскому орнаменту в рукописях», «Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, со словарем и указателем»)⁹⁹;

— фольклориста и литературоведа *А.Н. Афанасьева* («Русские народные сказки» и «Поэтические воззрения славян на природу»)¹⁰⁰, особенно обильны явные и скрытые цитаты из этого научного источника, мотивы и образы, воссозданные Афанасьевым в маленьких поэмах «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Иорданская голубица», «Инония», «Небесный барабанщик», «Пантократор» и др.). Неслучайно С.А. Толстая-Есенина указывала на издания Афанасьева как на «одни из самых любимых и одно время даже настольные книги» Есенина: «Он говорил, что черпал из них много материалов для своего творчества»¹⁰¹. Известно, что в 1926–1928 гг. исследователи располагали ныне не сохранившимися «бумагами поэта, из которых видно, что Есенин делал всякого рода выборки из афанасьевского текста <“Поэтических воззрений славян на природу”> и тут же переделывал их в стихи <...>»¹⁰²;

— художественного и музыкального критика и историка искусства *В.В. Стасова* (атласы с образцами орнамента «Русский народный орнамент. Выпуск пер-

⁹⁹ Буслаев Ф.И. Исторические очерки Ф.И. Буслаева по русскому орнаменту в рукописях. Пг.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1917. VI, 216 с.; Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т.; Буслаев Ф.И. Русская хрестоматия.

¹⁰⁰ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 8 т. 1-е изд. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1855–1863; Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. 1-е изд. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865–1869.

¹⁰¹ С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 260.

¹⁰² Е.Ф. Никитина со слов Б.В. Неймана // Художественный фольклор: орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН / Гос. академия художественных наук; под ред. Юрия Соколова. М.: [Б. и.], 1929. Вып. 4–5. С. 212.

вый. Шитье, ткани, кружева» и «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени») ¹⁰³;

— археографа и историка искусства Д.А. Ровинского (многотомный атлас русского лубка «Русские народные картинки») ¹⁰⁴.

Представляется, ряд исследователей древнерусской и славянской культуры, литературы и искусства, повлиявших на Есенина в той или иной форме, можно продолжить: так, более подробно в этом аспекте можно рассмотреть «Сведения о малоизвестных памятниках» филолога-слависта И.И. Срезневского и «Очерки русской народной словесности» филолога и фольклориста В.С. Миллера.

Функционально виды рецепции научных сочинений в разных есенинских текстах отличаются разнообразием и явно свидетельствуют о расширении познаний поэта в области древнерусской книжной культуры, что дает ему возможность разнообразить круг источников своих произведений и обогатить собственный поэтический опыт. Впрочем, использование научного труда в создании художественного текста в качестве подспорья в творческой работе писателя не единично. Так, знакомясь с научным трудом архимандрита Леониды «Благовещенский иерей Сильвестр и его писания», Л.Н. Толстой писал: «Судя по нем, я догадываюсь, какие сокровища, — подобно которым не имеет ни один народ, — таятся в нашей древней литературе» ¹⁰⁵; А.М. Ремизов в сборнике «Лимонарь, сиречь Луг духовный» опирался на труд А.Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха», а, создавая книгу «Николины притчи», пользовался не только «рязанскими сказками с. Константинова», переданными ему Есениным, но и сказочным и легендарным эпосом из книг А.Н. Афанасьева («Русские народные сказки» и «Народные русские легенды»), П.А. Бессонова («Калики перехожие»), Д.Н. Садовникова («Сказки и предания Самарского края»), Н.Е. Ончукова («Северные сказки»).

Расширение круга источников есенинских произведений, связанных с древнерусской книжной и устной культурой, за счет научных текстов-посредников подтверждают и обширные интересы, и разнообразные познания поэта о древности, позволявшие ему оригинально и по-новому раскрываться в художествен-

¹⁰³ Стасов В.В. Русский народный орнамент: шитье, ткани, кружева. СПб.: Тип. Т-ва общественная польза, 1872. XX, 25, [1] с., [80] отд. л. ил.; Стасов В.В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени: в 3 т. СПб.: Ильин, 1884–1887.

¹⁰⁴ Ровинский Д.А. Русские народные картинки [изоматериал]: атлас: в 3 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1881. См.: Бабушкин Н.Ф. С. Есенин об орнаменте в народном творчестве и литературе // Вопросы фольклора / сб. ст. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1965. С. 102–109; Киселева Л.А. Христианско-иконографический аспект изучения поэтики Сергея Есенина. С. 168–180.

¹⁰⁵ Архимандриту Леониду (Л.А. Кавелину), 16...20 марта 1875 г. Ясная Поляна // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978–1985. Т. 18: Избранные письма 1842–1881 гг. 911 с.

ном творчестве. Продолжение работы в этом направлении перспективно и для источниковедения медиевистических исследований, А.А. Пауткин писал о необходимости изучения художественного прочтения научных знаний о древности в литературе разных эпох: «<...> использование сведений или отрывков средневекового сочинения, содержащихся в том или ином историческом труде, все больше уступает место непосредственному обращению к самому памятнику <...> Путь от научного труда-посредника к работе с полным текстом источника может прослеживаться и в творчестве конкретного автора»¹⁰⁶.

Проанализированные в данной статье древнерусские тексты — это далеко не окончательный перечень, который открывается нам посредством источниковедческого подхода, и, несмотря на сложность в определении средневековых источников наследия Есенина, по-своему помогает обнаруживать интертекстуальные связи, смысловые наслоения и проявления авторского замысла в произведениях, созданных не без влияния конкретных памятников Древней Руси. Разные формы творческого освоения поэтом древнерусской литературы поддерживались переключками с церковной книжностью и рецепцией фольклорной традиции, что достаточно давно привлекало внимание исследователей, но так и не достигло интенсивности изучения проблемы. Ученые-есениноведы не раз указывали, что «диалогизм» является характерным свойством творчества Есенина (Н.И. Шубникова-Гусева). В связи с этим отмечаем, что художественную манеру поэта, действительно, отличает «коммуникативный диалог» с наследием Древней Руси, творческий подход к нему, но при этом он, сохраняя авторскую индивидуальность, находил способы органичного продолжения традиции, проникновения в нее, переосмысления устоявшихся сюжетов и традиционных образов. Об этом свидетельствует комплекс интертекстуальных связей (прием интерпретации — свободного переложения хорошо известных и узнаваемых текстов, аллюзии и реминисценции, явные и скрытые цитаты, заглавия и пересказы, часто с указанием источника, имена литературных персонажей из древнерусских произведений и использование жанрово-стилевых канонов и традиций). Есенина, как и других авторов начала XX столетия, характеризует стремление в древнерусском искусстве обрести еще один способ ответов на трагические вопросы современности, получить пророчество о будущем. Несмотря на художественно-эстетические и философско-религиозные искания эпохи, творчество поэта свидетельствует о его укорененности в русской культуре, в ее православных основах, что было свойственно и древнерусской словесности. Столь же многообразные связи древнерусской словесности и литературы Нового времени, в том числе творчества Есенина, открывающиеся посредством разных подходов (источниковедческого и генетического),

¹⁰⁶ Пауткин А.А. Медиевистическое источниковедение литературы Нового времени в системе многоступенчатого филологического образования. С. 149.

приобретает особую актуальность — эта область далека от своей исчерпанности и является основанием, скорее, для продолжения исследования по всем обозначенным направлениям, чем для его завершения.

Список литературы

1. *Архангельская А.В.* Актуальные проблемы изучения древнерусской литературы на современном этапе. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/384277-1-av-arhangel'skaya-aktualnie-problemi-zhucheniya-drevnerusskoy-literaturi-sovremennom-etape-issledovanie-drevnerusskoy.php> (дата обращения: 27.01.2025).
2. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. 1-е изд. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865–1869.
3. *Бабушкин Н.Ф.* С. Есенин об орнаменте в народном творчестве и литературе // Вопросы фольклора / сб. статей. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1965. С. 102–109.
4. *Базанов В.Г.* Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1982. 303 с.
5. *Базанов В.Г.* Древнерусские ключи к «Ключам Марии» Есенина // Миф — фольклор — литература. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1978. С. 204–249.
6. *Богатырева Т.А.* Отражение культа Богородицы в древнерусской литературе: жанрово-стилевой аспект: дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2010. 231 с.
7. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки Ф.И. Буслаева по русскому орнаменту в рукописях. Петроград: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1917. VI, 216 с.
8. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова. В тип. Тов-ва «Общественная польза», 1861. IV, 643 с.
9. *Бухаркин П.Е.* Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках. Проблемы культурного диалога. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1996. 168 с.
10. *Воронова О.Е.* Духовный путь Есенина: Религиозно-философские и эстетические искания. Рязань: М-ПРЕСС, 1997. 287 с.
11. *Воронова О.Е.* Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. Архетипы. Универсалии. Концепты: учебное пособие. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2013. 356 с.
12. *Воронова О.Е.* Рассказ С.А. Есенина «У Белой воды» в контексте фольклорных и литературных традиций // С.А. Есенин: Проблемы творчества, связи: межвуз. сб. науч. трудов. Рязань: РГПУ, 1995. С. 27–35.
13. *Воронова О.Е.* Сергей Есенин и русская духовная культура: научное изд. Рязань: Узорочье, 2002. 520 с.
14. *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 334 с.
15. *Двинянинов Б.Н.* Поэма С. Есенина «Товарищ» и «Слово о полку Игореве» // С.А. Есенин: Творческая индивидуальность. Художественный мир. Рязань: РГПИ, 1982. С. 18–26.
16. *Двинянинов Б.Н.* «Слово о полку Игореве» в юношеской лирике С. Есенина // С.А. Есенин: Эволюция творчества. Мастерство. Рязань: Рязан. ГПИ, 1979. С. 67–74.
17. *Двинянинов Б.Н.* Традиции «Слова о полку Игореве» в поэзии Есенина // Сергей Есенин: Исследования. Мемуары. Выступления: Юбилейный сборник. М.: Просвещение, 1967. С. 71–87.
18. *Державина О.А.* Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). М.: [Б. и.], 1990. 416 с.

19. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 287 с.
20. Есаулов И.А. Творчество Есенина и православная традиция: проблемы методологии // С.А. Есенин и православие. М.: К единству!, 2010. С. 215–226.
21. Занковская Л.В. Творчество Сергея Есенина в контексте русской литературы 20-х гг. XX в.: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. Москва, 2002. 34 с.
22. Кедров К.А. Образы древнерусского искусства в поэзии С.А. Есенина // Есенин и современность: сборник. М.: Современник, 1975. С. 165–180.
23. Киселева Л.А. Христианско-иконографический аспект изучения поэтики Сергея Есенина // Есенин академический: Актуальные проблемы науч. издания. Есенинский сб. / отв. ред. Ю.Л. Прокушев; ред.-сост. М.В. Скороходов. М.: Наследие, 1995. С. 168–180. (Серия «Новое о Есенине». Вып. II)
24. Киселева Л.А. «Икона» и «орнамент» в лирике Сергея Есенина 1914–1917 годов // С.А. Есенин и православие. М.: К единству!, 2010. С. 227–242.
25. Кондаков Н.П. Иконография Богоматери: в 2 т. СПб.: Изд. Отд-ния русского языка и словесности Имп. Акад. наук, 1914–1915.
26. Кузьмина В.Д. Задачи изучения связей древнерусской литературы с литературой нового времени // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1970. С. 95–100.
27. Кусков В.В. Эстетика идеальной жизни. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. 317 с.
28. Лепяхин В.В. Иконичность двуединого мира в лирике Сергея Есенина // С.А. Есенин и православие. М.: К единству!, 2010. С. 180–205.
29. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003–
30. Лихачев Д.С. Даниил Заточник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. С. 112–113.
31. Лихачев Д.С. Земля родная: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1983. 256 с.
32. Лихачев Д.С. Русская культура нового времени и Древняя Русь // ТОДРЛ. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1971. Т. XXVI. С. 3–7.
33. Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 330–405.
34. Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М.: Сов. писатель, 1989. 302 с.
35. Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. 672 с.
36. Михайлов К. Есенинская молитва // Сергей Есенин и искусство / сб. трудов по материалам Международной научной конференции, посв. 118-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред. Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин. М.; Константиново; Рязань: ИМЛИ РАН, 2014. 576 с. С. 190–206. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 2)
37. Михаленко Н.В. Иконописная цветопись в библейских поэмах С.А. Есенина // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 455–471.
38. Михаленко Н.В. Небесный Град в творчестве С.А. Есенина: поэтика и философия: автореф. дисс. ... канд-та филол. наук. М., 2009. 22 с.
39. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли в России XVIII в. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1980. 261 с.
40. Мосиенко М.В. Традиции древнерусской агиографии в русской литературе модерна начала XX в. (Л. Андреев, В. Брюсов, Д. Мережковский): дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1991. 162 с.

41. Наумов Е. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1965. 280 с.
42. Николаева Е.В. Лев Толстой и древнерусская литература (Проблема творческого освоения древнерусского литературного наследия): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980. 232 с.
43. Пак Н.И. Древнерусская культура в художественном мире Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева: монография. М.: Директ-Медиа, 2023. 320 с.
44. Пак Н.И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004. 45 с.
45. Панченко А.М., Смирнов И.П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // ТОДРЛ. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1971. Т. XXVI. С. 33–49.
46. Пауткин А.А. Медиевистическое источниковедение литературы Нового времени в системе многоступенчатого филологического образования // Stephanos: Электронный проект филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2016. № 3. С. 145–153. URL: stephanos.ru/index.php (дата обращения: 25.12.2024).
47. Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 251 с.
48. Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература // Сергей Есенин. Проблемы творчества: сб. статей. М.: Современник, 1978. С. 119–134.
49. Путилов Б.Н. Песня о Евпатии Коловрате // ТОДРЛ. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1955. Т. XI. С. 118–139.
50. Пушкирев Л.Н. Литературные обработки повести о Еруслане Лазаревиче в XVIII веке // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М.: Наука, 1967. С. 206–236.
51. Ранчин А. Древнерусская словесность и русская литература Нового времени: к проблеме преемственности // Текст и традиция: альманах 1. СПб.: Росток, 2013. С. 66–83.
52. Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам: Исслед. проф. Харьк. ун-та Е.К. Редина. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. Ч. 1. 366 с.
53. Решетова А.А. О рецепции древнерусского текста в русской литературе XX века: теоретико-методологический подход // Слово. Словесность. Словесник. Материалы всероссийской с международным участием научно-практической конференции преподавателей и студентов. Рязань, 2022. Вып. VIII. С. 100–105.
54. Решетова А.А. (автор), Ли Синмэй (перевод) Рецепция древнерусского текста в русской литературе XX века // Филологический вестник Фуданьского университета. Серия: Литература. Спецвыпуск Русской литературы. Фуданьский университет, 2020. № 1. С. 40–44 (на китайском языке). 安阿.列舍托娃, 李新梅 (译), 20世纪俄罗斯文学对古罗斯文本的接受 // 复旦大学语言文学论 / 文学. 俄罗斯文学专栏, 复旦大学, 2020年春季号, 40–44页.
55. Ровинский Д.А. Русские народные картинки [изоматериал]: атлас в 3 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1881.
56. Скороходов М.В. Библийские сюжеты и образы у Есенина: от учебных курсов к поэтическому осмыслению // Современное есениноведение. 2014. № 31. С. 18–27.
57. Скороходов М.В. Спас-Клепиковская второклассная учительская школа // Есенинская энциклопедия Методические рекомендации для авторов. Материалы для обсуждения. М.: Лазурь, 2015. С. 170–181.
58. Соколова Л.В. Слово Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 634–635.
59. Солнцева Н.М. Традиции духовных стихов в ранней лирике С.А. Есенина // Сергей Есенин и русская история / сб. трудов по материалам Международной научной конферен-

- ции, посв. 117-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина и Году российской истории / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред. Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин. М.; Константиново; Рязань: [ИМЛИ РАН], 2013. С. 244–261. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 1)
60. Соловьева М.А. Поэма С.А. Есенина «Сельский часослов»: текст и прототекст // Сергей Есенин и русская история / сб. трудов по материалам Международной научной конференции, посв. 117-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина и Году российской истории / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред. Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин. М.; Константиново; Рязань: [ИМЛИ РАН], 2013. С. 293–309. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 1)
61. Сперанский М.Н. Апокрифические деяния апостола Андрея в славяно-русских списках: Опыт критики текста. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1893 (обл. 1894). 44 с.
62. Сперанский М.Н. Древняя русская литература: Московский период: Лекции, чит. в 1912/13 г. в Моск. ун-те: По запискам слушателей, ред. профессором. [М.: Б.и.], 1913. 422 с.
63. Сперанский М.Н. История древней русской литературы: пособие к лекциям в Ун-те и на Высш. жен. курсах в Москве. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. X, 599 с.
64. Сперанский М.Н. Славянские апокрифические евангелия: Общий обзор. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895. VI, 137 с.
65. Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1867. VIII, 100, 16 с.
66. Стасов В.В. Русский народный орнамент: шитье, ткани, кружева. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1872. XX, 25, [1] с., [80] отд. л. ил.
67. Стасов В.В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени: в 3 т. СПб.: Ильин, 1884–1887.
68. Субботин С.И. К истории текстов «Иорданской голубицы», «Ленина» и «Песни о Евпатии Коловрате» // Есенин академический: Актуальные проблемы науч. издания. Есенинский сб. / отв. ред. Ю.Л. Прокушев; ред.-сост. М.В. Скороходов. М.: Наследие, 1995. С. 43–73. (Серия «Новое о Есенине». Вып. II)
69. Сугай Л.А. Наследие древнерусской культуры и творчество символистов // Культурное наследие Древней Руси: Материалы научной конференции, посв. памяти проф. В.В. Кускова (9 ноября 2000 г.). М.: [Б.и.], 2001. С. 132–166.
70. Шубникова-Гусева Н.И. Есенин академический. К 125-летию со дня рождения поэта // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4. С. 266–296.
71. Шумилов С.М. Образ Богородицы в древнерусской литературе (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 116–119.
72. Юдушкина О. «Маленькие поэмы» С.А. Есенина 1917–1920 годов. Символика Священного Писания. [Саарбрюккен]: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 100 с.
73. Юдушкина О.В. Библейские мотивы в поэмах С.А. Есенина 1917–1920 годов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 19 с.
74. Юшин П.Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 480 с.